

Франсуа Рабле

ПОВЕСТЬ ОБ УЖАСАЮЩЕЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ГАРГАНТЮА, ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ, НЕКОГДА СОЧИНЕННАЯ МАГИСТРОМ АЛЬКОФРИБАСОМ НАЗЬЕ, ИЗВЛЕКАТЕЛЕМ КВИНТЭССЕНЦИИ КНИГА, ПОЛНАЯ ПАНТАГРЮЭЛИЗМА

1542 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Вы, кто прочтете эту книгу, знайте,
Что от нее в восторг вы не придете,
Но и краснеть себя не принуждайте –
Ни зла, ни яда в ней вы не найдете.
Ее вы руководством не считайте,
– Пожалуй, только в области смешного
(Мне не придумать ничего иного).
Я вижу, горе вас угрозой давит,
Так пусть же смех, не слезы, сказ мой славит
Смех людям свойственной всего другого.*

ПРОЛОГ АВТОРА

Блистательнейшие из пьяниц и вы, изысканнейшие из венериков (ибо вам, а не кому другому, посвящаются мои писания)! Алкивиад в диалоге Платона, под названием «Пир», восхваляя своего наставника Сократа, бесспорного князя философов, между прочим говорит, что он похож на Силена. Силенами назывались когда-то ларчики в роде тех, что мы ныне встречаем в лавках аптекарей: сверху нарисованы всякие веселые и игривые изображения – в роде гарпий, сатиров, гусей с уздечкой, зайцев с рогами, уток под व्यюком, козлов с крылами, оленей в упряжке – и другие такие картинки, придуманные, чтобы возбуждать смех у людей (таков был Силен, учитель доброго Бахуса). Но внутри этих ларчиков сберегали тонкие снадобья: мяту, амбру, аром, мускус, цибет; порошки из драгоценных камней и другие вещи. Вот таков-то, говорят, был и Сократ, потому что, взглянув снаружи и судя по внешности, вы за него не дали бы и луковицы, – так некрасив он был телом и так смешон манерами: нос острый, взгляд быка, лицо дурака; в привычках простой; в грубой одежде; бедный имуществом; несчастливый в женщинах; не способный ни к какой службе; всегда смеющийся, всегда выпивающий, как и всякий другой; всегда насмешливый, всегда скрывающий свое божественное знание. Но откройте этот ларец – и найдете внутри небесное, неоценимое снадобье: разумение более чем человеческое, добродетели изумительные, мужество непобедимое, трезвость несравненную, довольство стойкое, уверенность совершенную, презрение невероятное ко всему, из-за чего люди столько заботятся, бегают, работают, плавают и воюют.

К чему, по вашему мнению, ведет это предисловие и предварение? А к тому, что вы, мои добрые ученики и прочие бездельники, читая веселые заголовки некоторых книг нашего

сочинения, как-то: «Гаргантюа», «Пантагрюэль», «Феспент»¹, «О достоинствах гульфиков»², «Горошек в сале» с комментарием, и т. д., слишком легкомысленно судите, будто в этих книгах только и трактуется о нелепостях, глупостях и веселых небылицах, потому что по внешнему признаку (то есть по заголовку), не поискав, что будет дальше, обычно начинаете смеяться и потешаться. Но с таким легкомыслием не подобает судить человеческие творения.

Ведь сами вы говорите, что платье не делает монахом, и что иной хоть и в монашеском платье, а меньше всего монах, – другой и в испанском плаще, а по своей храбрости далек от испанца. Вот почему следует раскрыть книгу и старательно взвесить, что в ней выводится. Тогда вы узнаете, что снадобье, в ней содержимое, совсем другого качества, чем обещал ларец, – то есть, что предметы, в нем трактуемые, совсем не столь глупы, как утверждается в заглавии.

А в случае, если вы даже найдете в буквальном смысле вещи забавные, вполне соответствующие названию, – все-таки не нужно останавливаться на этом, как при пении сирен, а в высшем смысле толковать то, что считаете сказанным в сердечной радости.

Случалось вам когда-нибудь откупоривать бутылку? Черт возьми! Припомните удовольствие, которое вы получали при этом.

А видели вы когда-нибудь собаку, нашедшую мозговую кость? Это, как говорил Платон (см. кн. 2-ю «О государстве»), самое философское в мире животное. Если вы видели, вы могли заметить, с каким благоговением она ее сторожит, с какой заботой охраняет, с каким жаром ее держит, как осторожно раскусывает, с какой любовью разгрызает, как тщательно высасывает. Что заставляет ее делать это? На что она надеется от своих стараний? Какого блага ждет она? Ничего, кроме капельки мозга. Правда, что эта капелька слаще, чем многое другое, ибо мозг есть пища, в совершенстве приготовленная природой, как говорит Гален (см. гл. III «Прирожд. способн.», и XI – «Употр. част.»).

По примеру сей собаки, нужно быть мудрыми, чтобы уметь вынюхать, прочувствовать и оценить эти прекрасные книги высокого вкуса, нужно быть легкими в преследовании, смелыми в нападении, потом, тщательно читая и постоянно размышляя, разломать кость, высосать оттуда мозговую субстанцию, – то есть то, что я разумею под этими пифагорейскими символами, – в верной надежде сделаться благодаря чтению и благоразумнее и сильнее; ибо в нем найдете вы удовольствие особого рода и учение более сокровенное, которое раскроет перед вами высочайшие таинства и страшные мистерии – как в том, что касается нашей религии, так и в области политики и экономики.

Верите ли вы, что Гомер, некогда написавший «Илиаду» и «Одиссею», думал о тех аллегориях, что выискали там Плутарх, Гераклит, Понтик, Евстатий и Форнута, и что Полициан у них украл?

Если верите, то вы ни на фут, ни на локоть не приближаетесь к моему мнению, согласно которому Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих «Метаморфозах» о таинствах евангелия, что брат Любен³, истинный лизоблюд, силился бы доказать, если бы встретил олухов вроде себя, или, как говорится в поговорке, нашел бы крышку по котлу.

Если не верите, то есть ли причина, по которой вам не поступить бы так же и с этими

---

¹ «Хлещи водку» (пьяница).

² По-французски «braguette». Так назывался клапан, или, скорее, футляр, имевший назначением скрывать половой орган. Он прикреплялся к верхней части панталон посредством булавок, или пуговиц, или даже дорогих брошек. Франты того времени клали туда, как в карман, кошельки, носовые платки, фрукты и т. п. Ношение гульфика прекратилось в конце XVI века.

³ Англичанин Т. Уоллиз, доминиканский монах, автор нравственных толкований Овидиевых «Метаморфоз» (Париж, 1509).

веселыми новыми повествованиями, хотя, диктуя их, я не думал об «этом больше, чем вы, которые, пожалуй, умеете выпить, как я? Ибо на сочинение знатной этой книги я не потерял и не употребил иного времени, чем то, которое положено для принятия моей трапезы, то есть еды и питья. Это самое подходящее время для писания о таких высоких материях и глубоких учениях, как умел делать Гомер, образец всех филологов, и Энний, отец латинских поэтов, как об этом свидетельствует Гораций, хотя какой-то невежда выразился, что от его стихов больше пахнет вином, чем елеем.

Какой-то оборванец говорит то же и о моих книгах; ну и черт с ним! Запах вина, – сколь он вкуснее, веселее и ценнее, нежнее и небеснее, чем запах елѣя! И я так же буду гордиться, когда обо мне скажут, что на вино я тратил больше, чем на масло, – как Демосфен гордился, когда про него говорили, что он на масло тратил больше, чем на вино. Мне только честь и слава, если про меня говорят, что я хороший товарищ и собутыльник; и при такой славе я всегда желанный гость во всякой хорошей компании пантагрюэлистов. Демосфена один придира упрекнул, что от его речей пахнет как от фартука грязного торговца маслом. Однако прошу истолковывать поступки мои и речи в лучшую для них сторону, имейте уважение к сыровидному моему мозгу, который питает вас этими милыми пустячками, и, сколько можете, поддерживайте мое веселое настроение.

Итак, забавляйтесь, друзья, веселитесь, читая, – телу на удовольствие и почкам на пользу! Только слушайте, бездельники, – не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет.

ГЛАВА I. О происхождении и древности рода Гаргантюа

Я отсылаю вас к великой Пантагрюэльской хронике для ознакомления с происхождением и древностью рода, от коего произошел наш Гаргантюа. Из нее вы более пространно узнаете, как первые великаны зародились на этом свете и каким образом по прямой линии от них произошел отец Пантагрюэля, Гаргантюа; вы не сердитесь, если я теперь отклонюсь от этой истории, хотя она такова, что чем чаще ее вспоминать, тем она больше будет нравиться вашим милостям. Это подтверждено авторитетом Платона в «Филебе» и «Горгии», а также Флакка, который говорит, что есть такие вещи (таковы, без сомнения, и мои), которые тем усладительнее, чем чаще их повторяют.

Дай бог, чтобы каждый знал с такою достоверностью свою генеалогию от Ноева ковчега до наших дней! Думаю, что сейчас много на земле императоров, королей, герцогов, князей и пап, произошедших от каких-нибудь продавцов индульгенций и носильщиков корзин, и, наоборот, немало больных и жалких нищих в странноприимных домах ведут свое происхождение по прямой линии от великих королей и императоров, если принять во внимание изумительный закон смены великих империй:

От ассириян к мидянам,
От мидян к персам,
От персов к македонянам,
От македонян к римлянам,
От римлян к грекам,
От греков к французам.

И вот, чтобы дать вам представление о себе, я полагаю, что происхожу от какого-нибудь богатого короля или принца давнопрошедших времен, потому что вы никогда не видели человека, который сильнее меня желал бы быть королем и богачом, чтобы задавать пиры, не работать, ни о чем не заботиться, а делать богатыми своих друзей и всех достойных и ученых людей. Но меня утешает то обстоятельство, что на том свете я буду таким, и даже больше, чем сейчас я дерзал бы желать. Утешайте и вы себя в несчастье такими же или лучшими мыслями и пейте на здоровье, если пьется.

Возвращаясь к нашим баранам, скажу вам, что вышняя милость не сберегла для нас генеалогии Гаргантюа с древнейших времен в более полном виде, чем чьей-либо другой, кроме мессии, о которой я не говорю, потому что это меня не касается, да и черти, то есть клеветники и лицемеры, противятся этому. Эта генеалогия была найдена Жаном Одо на лугу, которым он владел, близ Голо, что пониже Олив, по направлению к Нарсэ. Роя по его приказу канавы, землекопы наткнулись мотыками на обширный бронзовый склеп бесконечной длины, ибо конца его и не нашли, потому что он заходил далеко за шлюзы реки Вьенны. Вскрыв его в одном месте, отмеченном сверху кубком, вокруг которого шла надпись этрусскими буквами: «Здесь питье бывает» («Nec bibitur»), нашли девять фляг в таком порядке, как ставят гасконские кегли. Средняя из них прикрывала толстую, жирную, большую, серую, красивую, маленькую, покрытую плесенью книжку, пахнущую сильнее, но не лучше, чем роза.

В книжке была найдена вышеупомянутая генеалогия, сплошь написанная канцелярским почерком, не на бумаге, не на пергаменте и не на вошеной дощечке, а на вязовой коре, настолько попорченной от старости, что едва можно было заметить следы букв.

Я, хотя и недостойный, был вызван туда, и с помощью очков, приложив искусство чтения невидимых букв, как учит Аристотель, разобрал их все, как вы сами сможете увидеть, пантагрюэльствуя, то есть в меру выпивая, и читая про ужасающие подвиги Пантагрюэля. В конце книги находился небольшой трактат, озаглавленный «Противоядие от безделья». Крысы, тараканы или (чтобы не соврать) другие зловредные животные отгрызли начало истории. Остальное же прилагаю здесь, из уважения к древности документа.

ГЛАВА II

Здесь приводится стихотворение в 112 строк, заполняющее всю главу, очень сложное по конструкции и темное по смыслу.

ГЛАВА III. Как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

В свое время Грангузье⁴ был большой весельчак, любивший выпить до дна, как и всякий человек в то время, и закусить чем-нибудь соленым. Для этого у него обыкновенно хранился большой запас окороков, и майнцских и байоннских, порядочно копченых бычьих языков, множество колбас, по сезону, и солонины с горчицей, подкрепление в виде икры, сосисок, не булонских (потому что он боялся ломбардских пилюль), но из Бигорры, Лонконэ, Брэнны и Руарги. Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамели, дочери короля парпальонов, красивой и здоровой девице, и часто вдвоем они изображали животное о двух спинах и весело терлись друг о друга, так что жена зачала превосходного сына и носила его до одиннадцатого месяца. Ведь женщины могут носить во чреве такой срок и даже больше, особенно если это какая-нибудь выдающаяся личность, коей предстоит в свое время совершить героические подвиги; Гомер говорит, что младенец, которым наградила нимфу Нептун, родился по истечении года, т.-е. на двенадцатом месяце.

Ибо, как говорит в III книге Авл Геллий, величию Нептуна соответствовало столь продолжительное время, дабы этот младенец сформировался в совершенстве. По такой же причине Юпитер продлил до сорока восьми часов ночь, проведенную им с Алкменой; ибо в меньшее время не смог бы он выковать Геркулеса, очистившего мир от чудовищ и тиранов.

Гг. старшие пантагрюэлисты подтвердили сказанное мною и объявили не только возможным, но и законным ребенка, которого родит женщина на одиннадцатом месяце после

---

⁴ Грангузье – значит: «с большой глоткой».

смерти своего мужа.

См.:

Гиппократ, кн. «О кормлении».

Плиний, кн. VII, гл. V.

Плавт, In Cistellaria.

Марк Варон, в сатире «Завещание», со ссылкой на авторитет Аристотеля по этому вопросу.

Ценсоринус, «О дне рождения».

Аристотель, кн. VII, гл. 3 и 4 «О природе животных».

Геллий, кн. VII, гл. 16.

Сервий в своей эклоге приводит стих Виргилия: «Matri longa decem», etc. («Матери долгие десять», и т. д.).

И много других безумцев, число коих возрастет, если прибавим законников.

«О сыновьях собственных и законных, законом признаваемых», см. § 13 Дигесты.

А также:

«О восстановлении в правах родившегося на одиннадцатом месяце».

Сверх того, о том же нацарапали свой лукавый закон: Галл «О детях и потомках...» и в книге седьмой «О состоянии людей...», и некоторые другие, кого я теперь назвать не решаюсь.

Применяя такие законы, вдовушки могут вполне свободно предаваться вовсю любовным утехам целых два месяца после кончины супруга. Покорнейше прошу вас, добрые товарищи, если повстречаете таких, из-за которых стоит раздеться, действуйте и приводите ко мне. Ведь если они забеременеют на третьем месяце, то ребенок будет считаться наследником умершего, а раз забеременеют, то смело действуют дальше: дорога свободна, раз чрево полно.

Юлия, дочь императора Октавиана, отдавалась своим барабанщикам только тогда, когда чувствовала себя беременной, подобно тому как и судно требует лоцмана не раньше, чем оно проконопачено и нагружено. А если кто упрекнет их за то, что они позволяют себя штопать во время беременности, имея в виду, что самки животных в таком положении ни в коем случае не подпустят самцов, они ответят, что одно дело – самки, а другое – женщины, которые превосходно понимают веселые привилегии «второзачатия».

ГЛАВА IV. Как Гаргамель, нося Гаргантюа, объелась потрохами

Каким образом и при каких обстоятельствах Гаргамель родила, – следует ниже, а если не верите, то пусть у вас кишка выпадет. У нее кишка выпала третьего февраля, после обеда, за которым Гаргамель съела слишком много потрохов⁵. Потроха – это внутренности откормленных волов, то есть таких волов, которые жиреют, кормясь в хлеву и на заливных лугах.

Таких именно жирных быков зарезали 367014 штук, с целью засолить их во вторник на первой неделе поста и иметь весной достаточный запас мяса по сезону, чтобы в начале обеда, помянув соленым получше выпить. Потрохов получилось, как сами понимаете, достаточно, и таких вкусных, что каждый пальчики облизывал. Но дьявольски плохо было то, что их нельзя было долго хранить, потому что они портились, а это скверная штука! Поэтому было решено пожрать все, чтобы ничего не пропало. Для этого пригласили всех жителей Сэннэ, Сюилье, Ла-Рош-Клермо, Вогодрэ, не оставили и Ле-Кудрэ, Монпансье, Ге-де-Вед и других соседей. Все это были мастера выпить, добрые товарищи прекрасные

---

⁵ Выпадение кишки было следствием беременности и того, что Гаргамель объелась. Здесь сказывается в авторе его профессия – врача.

игроки в кегли. Добряк Грангузье получил от этого превеликое удовольствие и приказал, чтобы всего было вдоволь.

Все-таки он говорил жене, чтобы та ела поменьше, в виду приближения срока, и что эти потроха не очень-то хорошая еда. «Кто ест кишки, – говорил он, – захочет попробовать и того, что в них». Невзирая на эти предостережения, Гаргамель съела этих кишок шестнадцать больших бочек, две малых, да шесть горшков. Зато и раздулись кишки у ней.

А после обеда все гурьбою повалили в Сольсэ и там на густой траве плясали под звуки веселых флажолетов и нежных волынок, – так весело, что прямо небесное удовольствие было смотреть, как они забавлялись.

ГЛАВА V. Разговоры пьянчужек

Довольно бессвязные речи, местный колорит которых мало интересен; к развитию повести глава не имеет отношения.

ГЛАВА VI. Каким странным образом родился Гаргантюа

В то время как гости обменивались пьяными прибаутками, у Гаргамели начались боли в животе, и Грангузье поднялся с травы и честно принялся успокаивать ее, думая, что это родовые боли, и говоря ей, чтобы она прилегла на траву под ивами, и что скоро у нее отрастут новые ноги⁶; поэтому надо вооружиться новым мужеством, в ожидании появления крошки. Хотя боль будет и очень неприятная, но она не долго продлится; зато радость, что придет ей на смену, уничтожит горечь боли, так что даже и воспоминания о ней не останутся.

– Я докажу тебе это, – говорил он. – В евангелии от Иоанна, гл. XVI, наш спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, скорбит, но когда родит младенца, о скорби своей забывает».

– О, – сказала она, – вы хорошо говорите, и я предпочитаю слушать такие евангельские тексты: мне они гораздо приятнее, чем житие святой Маргариты или другие ханжеские жития⁷.

– Не бойся, моя ярочка, поспеши с этим, а там скоро сделаем другого.

– О, – сказала она, – вам, мужчинам, легко говорить, с божьей помощью я уж потружусь ради тебя. Но дал бы бог, чтобы вам его отрезали.

– Что? – сказал Грангузье.

– О, – сказала она, – как вы простодушны! Вы отлично понимаете.

– Ну, если вам угодно, велите принести нож.

– Нет, – сказала она, – не дай бог! Прости меня, господи! Я ведь так только сболтнула, не придавайте моим словам значения. Но мне сегодня придется помучиться, если бог не поможет, и все ведь из-за вашего удовольствия...

– Мужайтесь, милая! – сказал он. – Не беспокойтесь ни о чем; главное уже сделано. Пойду выпью еще чего-нибудь. Если в это время вам будет больно, я буду близко. Хлопните в ладоши, я сейчас прибегу.

Немного погодя Гаргамель начала вздыхать и жалобно кричать. Тотчас гурьбою сбежались отовсюду повитухи и, ощупывая ее снизу, нашли обрывки какой-то кожи прескверного запаха, – и они подумали, что это ребенок, но это была прямая кишка, которая у нее выпала благодаря ослаблению, происшедшему оттого, что она, как сказано выше, объелась потрохами.

---

⁶ Намек на родившегося ребенка.

⁷ Был обычай читать роженицам вслух житие св. Маргариты.

Поэтому одна преподанная старуха-бабка, пользовавшаяся славой великой лекарки, выселившаяся из Бризпайля, близ Сен-Жену, лет за шестьдесят до того, дала роженице такого средства от поноса, что у той закупорились и стянулись кишки, так что (страшно подумать!) их едва ли смогли бы растянуть даже зубами, хотя на мессе святого Мартина⁸ дьявол зубами сумел хорошо вытянуть даже пергамент, на котором записывали болтовню куртизанок.

Благодаря этому печальному случаю получилась вялость матки; ребенок проскочил по семяпроводам в полую вену и, вскарабкавшись по диафрагме до плеч, где вена раздваивается, повернул налево и вылез через левое ухо.

Едва родившись, он не закричал, как другие младенцы: «Уа!», но громким голосом заорал: «Пить, пить, пить!» – будто всех приглашал выпить.

Я подозреваю, что вы не верите такому странному рождению. Если не верите, мне дела нет; но порядочный и здравомыслящий человек верит во все, что ему говорят и что написано.

См. «Притчи Соломоновы», гл. XIV: «Невинный верит каждому глаголу»; св. апостола Павла «Первое послание к коринфянам», гл. XIII: «Милостивец верит всякому». Почему же вы не верите? Никакой видимости правды, – скажете вы. Я же вам скажу, что именно по этой самой причине вы должны верить совершенною верою: ибо сорбонисты говорят, что вера есть «вещей обличение невидимых».

Разве противоречит этот случай нашей религии, закону, разуму и священному писанию? Что до меня, я не нахожу в святой библии ничего, что бы противоречило этому. Но если бог так хотел, то ведь не скажете же вы, что он не мог этого сделать? О, прошу вас, никогда не смущайте своей души подобными суетными мыслями; ибо, говорю вам, для бога нет ничего невозможного, и если бы он захотел, то все женщины рожали бы детей через уши. Разве не родился Вакх из бедра Юпитера? Роктальяд – из пятки своей матери? Крокмуш – из туфли кормилицы? Разве Минерва не родилась через ухо из Юпитерова мозга? А Адонис – из коры миррового дерева? Кастор и Поллукс – из яйца, снесенного Ледой? Но вы еще более были бы поражены и изумлены, если бы я сейчас целиком прочитал вам главу из Плиния, в которой говорится о странных и противоестественных случаях рождения. А я, во всяком случае, не такой самоуверенный вун, каким был он. Почитайте седьмую книгу его «Натуральной истории», глава III, и не морочьте мне голову.

ГЛАВА VII. Как Гаргантюа был наречен своим именем, и как он принялся тянуть вино

Добрый Грангузье, развлекаясь и бражничая с другими, услышал страшный крик, который испустил его сын, выходя на этот свет: «Пи-ить, пи-ить, пи-ить!»

– Ну и здоровая же у тебя (подразумеваемая глотку), – сказал он. – «Que grand tu as!»

Присутствовавшие, услышав это, сказали, что ребенок должен получить имя «Гаргантюа», по первому слову, сказанному отцом при его рождении, – в подражание и по примеру древних евреев. На это согласился отец, и матери имя очень понравилось. А чтобы успокоить младенца, ему дали вдоволь выпить вина, снесли в купель и окрестили по доброму христианскому обычаю.

Затем из Потиль и Брээмон было назначено 17 913 коров, чтобы кормить его молоком; ибо во всей стране нельзя было найти достаточно молочной кормилицы, сообразуясь с тем большим количеством молока, потребного для его питания; хотя иные врачи из скоттистов⁹

⁸ Популярный в средние века святой. Раблэ намекает на запись исповедей во время мессы подслушивавшими их агентами одного из французских королей, который (через болтовню придворных дам – «куртизанок») желал уличить свою жену в неверности.

⁹ Последователи шотландского врача Duns Scott.

и утверждали, что выкормила Гаргантюа его мать и что она могла извлечь из своих сосцов 1402 пипы¹⁰ и девять горшков молока за один раз, что неправдоподобно, и такое предположение было объявлено скандальным для сосцов, оскорбительным для благочестивых ушей и отдающим ересью.

Такое положение продолжалось год и десять месяцев, и с той поры, по совету врачей, его начали вывозить, для чего была приготовлена прелестная колясочка, с быками в упряжке, изобретенная некоим Жаном Денио. В этой коляске младенца весело катали туда и сюда, и приятно на него было смотреть, потому что у него было славное личико, чуть ли не восемнадцать подбородков, и кричал он очень редко; но пачкался ежечасно, и он был удивительным флегматиком в отношении стула как по своей натуральной комплекции, так и от случайных обстоятельств, а именно – от чрезмерного пристрастия к соске с сентябрьским соком¹¹.

Впрочем, он и капли не пил без причины, потому что, когда он был раздосадован, рассержен или огорчен, если он топал ногами, плакал или кричал, тогда, дав ему выпить, его приводили в чувство, и он опять был спокоен и весел.

Одна из его нянюшек говорила мне, клятвенно подтверждая это, что он настолько привык к этому обычаю, что при одном звоне пинт и фляг приходил в экстаз, как будто предвкушая радость рая. Поэтому все нянюшки, из уважения к этой божественной склонности, чтобы развеселить его, поутру стучали ножами по стаканам, или же пробками по бутылкам, или, наконец, крышками по кружкам, и при этих звуках он радовался, весь дрожал, и сам, покачивая головой, качался в люльке, наигрывая пальцами и баритонально попкуивая.

ГЛАВА VIII. Как одели Гаргантюа

В этом же возрасте для ребенка были заказаны отцом одежды фамильных цветов: голубого с белым. Над ними потрудились, и они были скроены и сшиты по тогдашней моде. В древних актах, сохранившихся в счетной палате, я нахожу, что он был одет нижеследующим образом: На рубашку его пошло 900 локтей полотна Шательро, и еще двести на квадратные ластовки, которые подшили под мышками. Рубашка была без сборок, потому что рубашки в сборку изобретены были только когда белошвейки, поломав кончики иглоков, стали работать другим концом. Для куртки взяли 813 локтей белого атласа, а для шнуровки 1 509,5 собачьих шкурок: в это время как раз стали прикреплять штаны к куртке, а не куртку к штанам; ибо последнее, как подробно доказал Оккам в примечаниях к трудам Отшоссада¹², противостоит естеству.

На штаны взяли 1 105,5 локтей белой шерстяной материи; скроили их в форме колонн, с ложбинками и выемками на заду, дабы не разгорячать почек. Насколько было нужно, снизу был подпущен клином голубой дамаасский шелк. Заметьте, что ляжки у мальчика были сами по себе очень красивые и вполне пропорциональны всему росту.

На гульфик его штанов пошло шестнадцать с четвертью локтей такого же сукна, при чем он был сшит в виде дуги, живописно прикрепленной двумя красивыми пряжками с двумя эмалевыми крючками; в каждом из них был вправлен изумруд, величиной с апельсин.

¹⁰ Пипа – старинная мера жидкости, равнявшаяся двум бочкам (около 400 литров).

¹¹ т.-е. вино из винограда, выжатого в сентябре.

¹² Оккам – известный схоласт XIII в.; Отшоссад (Haut-Chaussade) – мифический автор, фамилию которого Раблэ производит от «haut de chausse», что значит «штаны».

Этому камню, по словам Орфея («Книга о камнях») и Плиния (см. «книгу последнюю»), свойственно возбуждать и укреплять естественный орган. Выступ гульфика – длиной локтя полтора – был подшит голубым шелком.

Глядя на все это красивое золотое шитье и изящное ювелирное плетенье, отделанное тонкими бриллиантами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидскими жемчугами, вы сравнили бы его с прелестным рогом изобилия, как вы видите на античных предметах, в роде тех, что богиня Реа подарила двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Рог изобилия – вечно нарядный, сочный, свежий, вечно зеленеющий, вечно цветущий, вечно плодоносящий, полный соков, полный цветов и плодов и всевозможных усад. Бог свидетель, он был великолепен, этот гульфик! Но я расскажу о нем гораздо больше в своей книге о «Достоинствах гульфиков». Об одном только скажу наперед: если гульфик был и длинен и широк, то и внутри был снабжен соответственно, и ничуть не походил на лицемерные гульфики повес-приставал, наполненные только ветром, к великому ущербу для женского пола.

На его башмаки пошло 406 локтей ярко-голубого бархата; его тщательно разрезали на параллельные полосы и скрепили в виде одинаковое цилиндров. На подошвы для башмаков употребили 1100 шкурок соров темной масти, при чем носки скроили заостренными.

На камзол пошло 1 800 локтей синего бархата, очень яркого, с выпитыми вокруг прелестными виноградными лозами, а посредине – с кружками из серебряной канители, перепутанными золотыми кольцами со множеством жемчуга. Этим хотели отметить, что в свое время он будет хорошим пьяницей.

Пояс ему сшили из 300,5 локтей шелковой саржи, наполовину белой и наполовину (если не ошибаюсь) голубой.

Шпага его была не из Валенсии, а кинжал – не из Сарагоссы, потому что его отец ненавидел всех этих омавританившихся, как чертей, пьяных идальго; но у него была прекрасная деревянная шпага и кинжал из смазной кожи, раскрашенные и позолоченные, как всякий бы захотел.

Кошелек его был сделан из слоновой кожи, подаренной ему гером Праконталем, ливийским проконсулом.

На его плащ пошло 9 600, без двух третей, локтей синего бархата, затканного по диагонали золотыми фигурами. От этого при некоторых поворотах происходил невыразимый перелив цветов, в роде как на шее горлинки, что удивительно услаждало глаз смотрящего.

На шляпу пошло 302,25 локтя белого бархата; форма ее была широкая и круглая, по объему головы, потому что отец его говорил, что мавританские шляпы приносят несчастье своим бритоголовым владельцам.

Прекрасное голубое перо гигантской водяной птицы, имеющей голос осла, обитательницы пустынь Гиркании, свешивалось чрезвычайно элегантно в виде султана над правым ухом.

Кокарда его, из золотой дощечки, весившей 68 фунтов, имела соответствующее эмалированное изображение, на котором был представлен человек с двумя головами, обращенными друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задами, какова, как говорит Платон в «Пире», была природа человека при его мистическом возникновении. Вокруг этой фигуры шла надпись ионическими буквами:

Ν ΑΓΑΠΗ ΟΥ ΖΗΤΕΙ ΤΑ ΕΑΥΤΗΣ

то есть: «Любовь не взыскует своя». См. ап. Павла «Первое послание к коринфянам» (гл. VIII).

Для ношения на шее у него была золотая цепь, весом в 25 063 золотых марки¹³, сделанная в форме крупных ягод, между которыми висели толстые же драконы из зеленой

¹³ Марка – весовая единица, около 25,0 граммов, ставшая уже в средние века, по примеру древнегреческого «таланта», единицею денежною, – крупной ценности (золотая) и менее крупной (серебряная).

яшмы, в золотом ореоле лучей и блесток, как когда-то носил Некепсос (египетский царь). Цепь эта спускалась до верха живота, благодаря чему Гаргантюа всю жизнь имел некоторые преимущества, известные греческим врачам.

Для перчаток были пущены в дело 16 кож с домовых, а для опушки их 3 вурдалачьих кожи. Из этого материала они были приготовлены по предписанию каббалистов из Сенлуанда. Из перстней у него были (отец его хотел, чтобы он их носил, чтобы восстановить признак древности своего происхождения): на указательном пальце левой руки – карбункул размером с страусовое яйцо, в тонко сделанной оправе из чистого золота. На безымянном пальце той же руки был перстень из чудесного, никогда еще не виданного сплава четырех металлов, сплава, в котором сталь не стирала золота, а серебро не затмевало меди. Все это было сделано капитаном Шаппюи и Алькофрибасом¹⁴, его поверенным. На безымянном пальце правой руки был перстень в форме спирали, и в нем были вправлены бледный рубин, остроконечный бриллиант и изумруд из Физона, стоимости неоценимой. Ибо Ганс Карвель, великий ювелир короля Мелинды, их ценил в 69 894 018 длинношерстных баранов¹⁵, во столько же ценил их Фурк из Аугсбурга¹⁶.

ГЛАВА IX. Цвета и ливрея Гаргантюа

Цвета Гаргантюа были белый и голубой, как вы могли прочесть выше, и этим отец его хотел дать понять, что сын был для него небесной радостью, так как белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, а голубой – нечто небесное. Я хорошо понимаю, что, читая эти слова, вы смеетесь над старым пьяницей и находите такое толкование цветов чересчур грубым и нелепым, и говорите, что белый цвет означает веру, а голубой – твердость. Однако ответьте мне, если вам будет угодно, без волнения, раздражения и горячки, а равно без извращения правды (время теперь опасное!). Никакого принуждения я не употреблю ни по отношению к вам, ни к кому бы то ни было другому; только скажу вам словечко о бутылке.

Кто так волнует вас? Кто вас колет? Кто вам сказал, что белый означает веру, а голубой – твердость? Некая, скажете, мхом поросшая книга, у офеней и бродячих торговцев продающаяся под названием «Гербовник цветов». Кто ее сочинил? Кто бы он ни был, но он поступил осторожно, не поставив своего имени. Впрочем, я не знаю, чему больше в нем удивиться: сомнению его или глупости. Сомнению, потому что он, без всякого основания и причины, своим личным авторитетом, осмелился предписывать, что обозначается цветами; таков обычай тиранов, которые желают, чтобы их произвол заменял рассудок, а не мудрых и ученых, которые удовлетворяют читателей убедительными доводами.

Его глупости, потому что он воображает, что без всяких доказательств и достаточных оснований люди будут располагать цвет своих девизов по его вздорным предписаниям.

Действительно (как говорит пословица: «навоз недалеко от того, кого слабит»), он нашел кое-кого из оставшихся простаков от времен высоких колпаков, что верят его писаниям, и по ним накроили изречений, сентенций и разукрасили сбруи своих ослов, одели пажей, сшили разноцветные штаны, вышили перчатки, сделали бахрому вокруг постелей, разрисовали свои гербы, сочинили песни и (что хуже) возвели исподтишка немало подлой клеветы на целомудренных матрон.

В таких же потемках совсем заблудились и придворные хвастуны и пустословы. Желая взять в качестве девиза надежду, они велят начертать одежду; разбитая банка идет вместо

¹⁴ Часть метаграммы: Rabelais Francois-Alcofribas Nasier.

¹⁵ Золотая монета с изображением агнца.

¹⁶ Банкир, современный Раблэ.

краха банка¹⁷, и так далее.

Все это такие неудачные, избитые, грубые и плоские омонимы, что надо бы пришивать лисий хвост к воротнику и надевать из коровьего золота маску на всякого, кто впредь будет пользоваться ими во Франции, после восстановления изящной литературы.

Совсем иначе поступали некогда египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, называвшимися «гиероглифы». Знаков этих никто не понимал, кому недоступны были свойства, особенности и природа вещей, изображавшихся ими. Об этом Горус Аполлон написал по-гречески две книги, а Полифил еще более пространное сочинение – «О любовных сновидениях»¹⁸. Во Франции вы имеете подобный отрывок в девизе г-на Адмирала, впервые принадлежавшем Октавиану Августу.

Но пусть парус мой не несет судна моего дальше между таких опасных стремнин и мелей: я возвращаюсь, чтобы войти в гавань, из которой вышел. Надеюсь, когда-нибудь пространней написать об этом и доказать как философическими доводами, так и путем ссылок на испытанные авторитеты, полученные от древности, какие есть в природе цвета, и сколько их, и что можно обозначать каждым из них, если только бог сохранит мою колодку для колпака, то есть горшок для вина, как называла моя бабушка.

ГЛАВА X. О том, что обозначают цвета белый и синий

В наполненной схоластическими рассуждениями, со ссылками на Аристотеля, Лоренцо Валла, священное писание и многие труды древних, главе автор доказывает, что белый цвет означает радость и веселье (как контраст траурному – черному) и т. д.

ГЛАВА XI. О юности Гаргантюа

С трех до пяти лет Гаргантюа воспитывали и кормили по всем подобающим правилам, согласно распоряжению его отца, и проводил он это время, как все маленькие дети в стране, а именно: пил, ел и спал, ел, спал и пил; спал, пил и ел.

Вечно валялся в грязи, марал себе нос, мазал лицо, стаптывал сапоги, ловил мух и любил гоняться за всеми мотыльками, подвластными его отцу. Мочил себе на башмаки, ходил в рубашку, сморкался в рукав, плевал в миску с супом, всюду шлепал по грязи, пил из туфли и тер себе живот корзиной. Зубы точил о колодку, руки мыл похлебкой, чесался стаканом, садился между двух стульев на землю задом, покрывался мокрым мешком, запивал суп водою, ел лепешки без хлеба, кусался смеясь и смеялся кусаясь, часто плевал в колодезь, от жирного пукал, мочился против солнца и дождя прятался в воду, ковал, когда остынет, сны видел пустые, ластился как кошка, обдирал лисицу, молился как мартышка, возвращался к своим баранам, в траве удил рыбу, ловил козлов отпущения, волам на хвост надевал хомут, чесался, где не скребло, совал нос, куда не спрашивали, пускал мыльные пузыри и строил воздушные замки, – словом, жизнь начал с одних наслаждений.

Что еще? Гонял лодыря, щекотал у себя подмышкой, на кухне над богами зубоскалил, «Величит душа моя» заставлял петь за утреней и находил, что так и следует. Ел капусту, а ходил пореем, ловил мух в молоке, обрывал мухам лапки, скоблил бумагу, марал пергамент, пешком ездил, в рюмочку заглядывал, рассчитывал без хозяина, черпал воду решетом, считал, что тучи на небе – пузыри, а звезды – плоски, с одного вола драл две шкуры, ловил журавлей в небе; попадал в цель с первого раза, как курочка клевал по зернышку, дареному

¹⁷ В подлиннике целый ряд непереводаемых примеров игры слов, в роде: «lit sans ciel» (кровать без полога) и «licencié» (лицензиат).

¹⁸ «Polyphilii» (Многолюбивого), «Hypnerotomachia» (Любовных снов борец) – произведение Франциска Колумна, издано первопечатником Альдом в 1449 г.

коню всегда смотрел в зубы, перескакивал с петуха на осла, вал копал, а ров засыпал, стерег луну от волков, по одежке протягивал ножки, из топора суп варил, – и все ему было трын-трава. Отцовы щенки лакали из его тарелки, и он с ними. Он кусал их за уши, а они ему царапали нос. Он им дул в зад; они ему облизывали щеки¹⁹. И знаете что, дети мои? Забери вас белая горячка! Этот маленький блудня щупал своих нянюшек сверху и снизу, сзади и спереди, – только поворачивайся, – и уж начинал пускать в дело гульфик, который его нянюшки ежедневно украшали букетами, лентами, красивыми цветами, красивыми кистями и развлекались тем, что мяли в руках, как палочку из пластыря, и потом хохотали, когда он подымал уши, как будто игра ему нравилась. Одна называла его втулочкой, другая – коралловой веточкой, третья – пробочкой, затычкой, живчиком, пружинкой, буравчиком, подвесочкой, маленькой колбаской красненькой и т. п.

– Он – мой, – говорила одна.

– Нет, мой, – говорила другая.

– А мне ничего не остается, – вмешивалась третья. – Ну, так я его отрежу.

– Как отрезать? Но вы ведь ему больно сделаете, сударыня! Детей калечить! Будет господин бесхвостый!

Для того чтобы он мог забавляться, как и все дети его возраста, ему сделали отличную вертушку с крыльями от большой ветряной мельницы в Мирбалэ.

ГЛАВА XII. Об игрушечных лошадках Гаргантюа

Потом, чтобы всю свою жизнь он был хорошим наездником, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, которую он заставлял бить копытами землю, скакать, гарцовать, брыкаться и танцевать – все вместе, ходить шагом, рысью, галопом, иноходью и, на шотландский манер, во весь карьер, и по-ослиному, и по-верблюжьему, и заставлял ее менять масть (как монахи меняют стихари соответственно праздникам): она была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышинной, вороной, караковой, чалой, пегой, соловой, бурой, буланой.

Сам он из толстого бревна сделал себе коня для охоты, другого – из балки от давяльного чана – на каждый день; а из большого дуба сделал себе мула с попоной – для комнаты. Было у него с десяток или с дюжину лошадей для подставы и семь почтовых. Всех он укладывал с собою. Однажды г-н Пэнансак с пышною свитою посетил его отца в тот день, когда приехали повидаться с ним герцог де-Франрепа и граф де-Муйеван. Ей-богу, помещение оказалось тесноватым для такого множества людей, – особенно конюшни; поэтому дворецкий и конюший названного сеньора Пэнансака, чтобы узнать, нет ли в доме где еще пустых стойл, обратились к юному Гаргантюа, спрашивая его по секрету, где стояла для больших коней, и полагая, что дети охотно все откроют.

Тогда он повел их по большой лестнице замка, провел через вторую залу в главную галерею, через которую они вошли в просторную башню, и когда они подымались по ступеням, конюший сказал дворецкому:

– Этот ребенок нас обманывает: конюшен никогда не бывает в верхних этажах.

– О, – сказал дворецкий, – вы плохо понимаете дело, потому что знаю многие места в Лионе, Баметт и Шеноне, и другие, где конюшни устроены на самом верху. Может быть, сзади есть выход для посадки. Впрочем, я спрошу его для верности.

И он спросил у Гаргантюа:

– Куда, мальчик, вы нас ведете?

– В конюшню, – ответил тот, – где стоят мои большие лошади. Мы сейчас придем туда, поднимемся только по этой лестнице.

Потом, проведя их через другую большую залу, он привел их в свою комнату и,

¹⁹ Непереводимая игра слов: «trepelu» (заросший) и «tris peu lu» (весьма мало читаемый).

открывая дверь, сказал:

– Вот конюшни, о которых вы спрашивали: вот мой испанский жеребец, вот венгерский, вот мой лаведанский, вот мой иноходец. – Вручая им какой-то рычаг, он сказал: – Дарю вам этого фризского скакуна; я получил его из Франкфурта, но он теперь ваш. Это добрая лошадка и трудолюбивая. С одним кречетом, полдюжиной испанских гончих и парой борзых вы будете куропаточьими и заячьими королями на всю зиму.

– О, святой Иоанн, – сказали они, – хороши мы.

Сами догадаетесь, что из двух им оставалось делать: или спрятаться от стыда, или смеяться над забавным приключением.

– Ну, сегодня, – сказал дворецкий, – если нас станут поджаривать, то мы не подгорим, потому что мы хорошо прошпигованы. О, мальчуган, славно ты нас окрутил: увижу я тебя когда-нибудь папою!

Глава оканчивается разговором между Гаргантюа и гостями, состоящим из непередаваемых острот и игры слов, а также непристойностей.

ГЛАВА XIII. Как Грангузье узнал об изумительном уме Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев, навестил своего сына Гаргантюа и был этим обрадован так, как мог обрадоваться такой отец при виде такого своего сына. Целуя его и обнимая, он расспрашивал о том и о сем из области Ребятчих интересов. При этом он выпил и с сыном и с нянюшками, у которых тщательно расспрашивал, держат ли они его в чистоте и опрятности. На это сам Гаргантюа ответил, что он завел такой порядок, что во всей стране нет мальчика чище его.

– Как так? – спросил Грангузье.

– После настойчивых и любопытных опытов, – отвечал Гаргантюа, – я изобрел способ подтираться, самый знатный, самый блестящий, самый удобный, какой только когда-либо видели.

– Какой способ? – спросил Грангузье.

– Сейчас вам расскажу, – сказал Гаргантюа. – Однажды я подтерся бархатным кашне́ одной барышни и нашел это неплохим, потому что мягкость шелка доставила очень большое наслаждение. Другой раз шапочкой – то же самое. Третий раз – шейным платком; затем – атласными наушниками; но чертова куча золотых шариков ободрала мне весь зад. Антонов огонь в кишки ювелиру, который их сделал, и барышне, которая их носила! Боль прошла, когда подтерся шляпой пажа, отделанной перьями по-швейцарски. Присев однажды под кустом, я нашел мартовскую кошку и подтерся ей, но ее когти изъязвили мне весь задний проход. На следующий день я вылечился, подтершись перчатками матери, надушенными бензоем. Подтирался шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, ботвой от тыквы, свеклы, капустными листьями, виноградными, девичьей кожей, травой-акулиной (она краснеет от этого), салатом латук, шпинатом... Все это было весьма полезно для ног. Потом еще брал крапиву, бурьян, почечуй, живокость, но у меня сделалось кровотечение. Вылечился, подтираясь гильфиком.

«Я обратился затем к простыням, одеялам, занавескам, скатертям, салфеткам, носовым платкам, женским халатам.

Все это мне доставило большее удовольствие, чем шелудивому, когда его скребут.

– Вот как! – сказал Грангузье. – Но чем же подтираться лучше всего?

– Я уже подошел к этому, скоро и вы все узнаете. Подтирался я сеном, соломой, паклей и волосом, шерстью, бумагой. Но:

Всегда на передочке замарает,
Кто зад бумагой подтирает.

- Как, мое яичко золотое, – сказал Грангузье, – ты уж и стихами говоришь?
- Да, да, мой король, – ответил Гаргантюа.
- Ну, – сказал Грангузье, – вернемся к нашему предмету.
- К какому предмету?
- К подтиранию.
- А не хотите выставить большой бочонок бретонского, если я припру вас к стенке?
- Непременно, – сказал Грангузье.
- Нет нужды подтираться, если нет г... А г... не бывает, не... потому, значит, надо раньше..., чем подтираться.
- Ого, – сказал Грангузье, – какой ты здравомыслящий мальчуган!

Я тебя на этих же днях представлю к докторской степени, ты умен не по возрасту. Но продолжай, пожалуйста, свое подтиральное рассуждение. Клянусь бородой, вместо одного бочонка, ты получишь шестьдесят бочек хорошего бретонского, которое, однако, идет не из Бретани, а из доброго Веррона²⁰.

– Потом я подтирался, – продолжал Гаргантюа, – колпаком, подушкой, туфлей, охотничьим ягдташем, корзинкой. Какая скверная подтирка! Затем – шляпами. Обратите ваше внимание: есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсисто-бархатные, есть шелковистые, атласные. Но лучше всех шерстистые: отлично подчищают. Затем приходилось подтираться курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкурой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатской сумкой, капюшонами, чепцами, птичьим чучелом.

«В заключение говорю вам и удостоверяю, что нет лучшей подтирки, чем гусенок с нежным пушком, только надо его взять за голову, когда кладешь между ног. Тогда чувствуешь удивительную приятность нежности его пуха, и от теплоты самого гусенка, которая передается по прямой кишке и по другим внутренностям доходит до области и мозга.

«И не верьте, что блаженство героев и полубогов в Елисейских Полях проистекает от златоцвета, нектара и амвросии, как болт старухи. По моему мнению, блаженство их в том, что они подтираются гусятами; таково и мнение магистра Иоанна Шотландского».

ГЛАВА XIV. Как некий софист обучал Гаргантюа латыни

Услышав такие речи, добряк Грангузье изумился и восхитился, видя столь высокий разум и удивительное соображение сына своего Гаргантюа. И он сказал его нянюшкам:

– Филипп, царь македонский, узнал ум своего сына Александра по тому, как он искусно правил конем, который был до того необуздан и страшен, что никто не осмеливался сесть на него, так как всех всадников сбрасывал он с себя – одному шею ломает, другому – ноги, тому – череп, этому – челюсть.

Наблюдая все это на ипподроме (так называлось место, где выезжали лошадей), Александр подметил, что ярость лошади происходит только от страха, который внушает ей собственная ее тень. Тогда, вскочив на коня, он пустил его против солнца, так что тень падала сзади, и таким способом сделал коня послушным своей воле. По этому отец узнал, что у сына его божественное разумение, и приставил к нему наставником в науках Аристотеля, которого чтили в ту пору выше всех философов Греции. Но я скажу вам, что по одному этому разговору, который я сейчас перед вами имел с моим сыном Гаргантюа, я познал, что в его разуме есть что-то божественное, столь он остер, тонок, глубок и ясен, и достигнет высокой степени мудрости, если его хорошо образовать. Поэтому я хочу поручить его какому-нибудь ученому, чтобы научить его по его способностям, и ничего не пожалею для этого.

Действительно, ему указали на одного великого ученого софиста по имени магистр

---

²⁰ Веррон (Вернон) – область, расположенная между Луарой и Вьенной.

Тюбаль Олоферн, который обучил Гафгантюа азбуке так хорошо, что он говорил ее наизусть в обратном порядке; на что ушло пять лет и три месяца.

Потом прочел с ним Доната²¹, а также Фацета, Тэодолэ и «Параболы» Алана²², на что ушло тринадцать лет, шесть месяцев и две недели. Заметьте, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическим шрифтом, и тот переписал все эти книги, потому что искусство печатания еще не было изобретено.

Гаргантюа носил обыкновенно большой письменный прибор, весивший более семи тысяч квинталов²³, пенал из которого равнялся по толщине и величине колоннам аббатства Энэ²⁴, а чернильница висела на толстых железных цепях и равнялась вместимостью огромной бочке.

Потом Тюбаль прочел ему «De modis significandi»²⁵ с комментариями Гуртебиза, Факина, «Беззуба» Галео, Иоанна Тельца, Биллонио, и кучи других. На это пошло времени свыше восемнадцати лет и одиннадцати месяцев.

Он так хорошо изучил этот труд, что на испытании ответил все наизусть от конца к началу и на пальцах и сказал матери, что «De modis significandi» не есть наукой. Затем Тюбаль прочел «Церковный календарь». На это пошло шестнадцать лет и два месяца, когда названный наставник его умер:

В тысяча четыреста двадцатом.

От болезни, причиняемой развратом.

Затем у него был старый кашлюн²⁶, по имени магистр Жоблэн Бридэ, читавший ему Гугуцио²⁷, Эврава «Греческий язык»²⁸, «Доктринал»²⁹, «Части речи»³⁰, «Что сие есть»³¹, «Дополнение»³², сочинение Мармотрета³³, «О поведении за столом»³⁴, Сенеки «О четырех

²¹ Автор распространенной в средние века латинской св. Иеронима.

²² Сочинения этих авторов были напечатаны в 1410 г. в Лионе и составляют чаем ...Восьми нравственных сочинителей» – поучительного школьного сборника. Алан (из Лилля); жил в XII веке (ученик Абеяра).

²³ Старинная мера веса.

²⁴ Аббатство в бассейне Роны, где от старинного римского храма осталось четыре громадных античных колонны.

²⁵ «О наклонениях».

²⁶ Проповедники того времени имели обыкновение усиленно откашливаться и отмечали в рукописях своих проповедей места, где полагается кашлять.

²⁷ Автор грамматики и словаря.

²⁸ Эврава Бетюнский, автор трактата по греческой этимологии, употреблявшегося с XIII по XVI век.

²⁹ Основы латыни в латинских стихах поэта Александра Вильдье (1242 г.).

³⁰ Краткая грамматика того времени.

³¹ Такое же сочинение в вопросах и ответах.

³² «Дополнение к хроникам» – исторический конспект, составленный Филиппом Бергамским.

³³ Комментатор библии.

³⁴ Поэма Жана Сюльпикса.

кардинальных добродетелях»³⁵, Пассавенто³⁶ с комментариями к нему, и, наконец, на праздниках – «Спи бестревожно»³⁷. Сверх того еще другие труды из такого же теста, от чтения которых поумнел он так, что после таких уже не пекли.

ГЛАВА XV. Как отдали Гаргантюа другим педагогам

Тогда отец его заметил, что сын занимается, действительно, очень хорошо и тратит на это все свое время, но все-таки не извлекает никакой пользы и – что хуже – от занятий своих глупеет, становится все рассеяннее и бестолковее. Когда он пожаловался на это дону Филиппу де-Марэ, вице-королю Папелигоссы, то услышал, что лучше было бы сына вовсе ничему не учить, чем под руководством таких наставников изучать такие книги; потому что их наука – глупость, и ученость их – чистейший вздор, которым они только оскоряют добрые и благородные умы и портят цвет нашей молодежи.

– Возьмите, – сказал он, – кого-нибудь из современных молодых людей, кто проучился всего года два: в случае, если он не окажется лучше вашего сына в рассудительности, красноречии, толковости, в порядочности, в умении вести себя в обществе, – можете считать меня свинорезом из Бренны.

Грангузье это понравилось, и он приказал, чтобы так было сделано.

Вечером, во время ужина, названный де-Марэ привел одного из своих юных пажей, Эвдемона, из Вилльгонжи. Паж был так хорошо причесан, разодет, вычищен, так хорошо держался, что скорее походил на маленького ангела, чем на человека. Затем Марэ сказал Гаргантюа:

– Видите этого отрока? Ему нет еще двенадцати лет. Посмотрим, если угодно, какая разница между знанием ваших болтливых пустомель прежнего времени от современных молодых людей.

Опыт понравился Грангузье, и он приказал пажу произнести речь. Тогда Эвдемон, попросив разрешения на это у своего господина, вице-короля, встал со шляпой в руках и, с открытым лицом, румяными устами, уверенным взором, с юношескою скромностью глядя на Гаргантюа, начал хвалить и превозносить последнего: во-первых, за его добродетели и добрые нравы, во-вторых – за его ученость, в-третьих – за благородство, в-четвертых – за телесную красоту, и в-пятых – мягко стал убеждать его относиться с особым почтением к отцу, который приложил такие старания, чтобы обучить его; и, наконец, просил соблаговолить считать его смиреннейшим из своих слуг, ибо другого дара он не просит теперь у небес, кроме того, чтобы ему была оказана милость угодить Гаргантюа какой-нибудь приятной услугой.

Все это было сказано со столь подобающими жестами, с таким отчетливым произношением, так красноречиво и на таком изысканном латинском языке, что паж походил скорее на Гракха, Цицерона или Эмилия прошлых времен, чем на современного юношу. Гаргантюа же сумел в ответ только зареветь коровою, спрятав лицо в шапку, и нельзя было вытянуть из него ни одного слова, – как звука из мертвого осла.

Отец разгневался до того, что тут же хотел убить магистра Жоблэна. Но де-Марэ прекрасными доводами предостерег его от этого, и гнев его утих. Он велел только уплатить учителю жалованье, напоить его по-богословски, а после чтоб убирался ко всем чертям.

³⁵ Сенеке ложно приписывается этот труд, автор которого – Мартин, епископ Брагский (583 г.).

³⁶ О Флоренции XIV века.

³⁷ Сборник проповедей на главные годовые праздники.

– По крайней мере, сегодня, – сказал он, – его хозяину ничего не будет стоить, если случайно он подохнет, напившись как англичанин.

Когда магистр Жоблэн покинул дом, Грангузье посоветовался с вице-королем, какого сыну можно предоставить учителя, и они уговорились, чтобы на эту должность поставить Понократа, воспитателя Эвдемона, и что все они вместе отправятся в Париж для ознакомления с обучением французских юношей того времени.

ГЛАВА XVI. Как Гаргантюа был послан в Париж, и о громадной кобыле, на которой он ехал, и как она уничтожила оводов в округе Бос

В это самое время Файоль, четвертый король нумидийский, прислал Грангузье из Африки громаднейшую и высочайшую кобылу, каких когда-либо видели на свете, и самую чудовищную (как вы хорошо знаете, Африка всегда приносит нечто новое!). Величиной кобыла была с шесть слонов; на ногах же имела пальцы, как лошадь Юлия Цезаря; уши свисали у нее, как у лангедокских коз, а на заду рос небольшой рог. Масти она была рыжей, с подпалинами, пересыпанной серыми яблоками. Но всего страшнее был у нее хвост – ни много ни мало такой толщины, как колонна св. Марса, близ Ланжа, и тоже четырехугольный и с точно такими пучками, как хлебные колосья.

Если вы этому удивляетесь, то вы должны еще больше удивиться хвостам скифских баранов, весившим больше тридцати фунтов, и баранов сирийских, к крупу которых, если Тено³⁸ говорит правду, необходимо прилаживать тележки, чтобы носить их курдюки, – до того они длинны и тяжелы. У вас таких хвостов нет, господа распутники из равнин.

Кобыла была доставлена в порт Олон, в Тальмандуа, морем, на трех баржах и одной бригантине³⁹. Увидав ее, Грангузье воскликнул:

– Вот как она кстати, чтобы свезти моего сына в Париж. Ей-богу, все пойдет прекрасно. Со временем он станет великим ученым. И вообще если бы не было господ животных – все были бы учеными.

На следующий день, выпив (как вы сами понимаете), выступили в путь Гаргантюа, его наставник Понократ и его люди; вместе с ними – молодой паж Эвдемон. Так как погода стояла ясная и умеренная, то отец заказал Гаргантюа желтые сапоги; Бабен⁴⁰ называет их «полусапожками». И так они весело совершали свое большое путешествие и основательно закусывали до самого Орлеана. В этом месте был обширный лес, в тридцать пять миль длиной и семнадцать шириной, или около того. Этот лес кишмя кишел оводами и слепнями, что было истинным разбоем для бедных ослов, лошадей и кобыл. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за все обиды, нанесенные ее сородичам, способом, о каком и не догадаешься.

Едва они въехали в лес и оводы напали на них, как она высвободила свой хвост и так начала им отмахиваться, что свалила весь лес. Вбок, вкось, поперек, туда, сюда, в длину, в ширину, снизу вверх, сверху вниз – она косила деревья, как косарь траву, так что с тех пор не стало ни деревьев, ни слепней – и весь край был превращен в поле.

Увидав это, Гаргантюа получил большое удовольствие; однако, не кичась этим, сказал своим спутникам: «je trouve beau se» («по-моему, это прекрасно»), почему область эту впоследствии и назвали «Бос» («beau se»).

³⁸ Ангулемский доктор богословия Тено описал свое путешествие за море в книге «Voyage et itinéraire de oultre mer». О сирийских баранах упоминается у Геродота.

³⁹ Небольшое двухмачтовое судно.

⁴⁰ Башмачник в Шиноне.

Наконец они прибыли в Париж. Два-три дня он отдохнул здесь, устраивая веселые пирушки со своими людьми, расспрашивая, какие ученые были тогда в городе, и какое здесь пьют вино.

ГЛАВА XVII. Как Гаргантюа оплатил парижанам за свой прием, и как он унес большие колокола с Собора Богоматери

После того как они отдохнули несколько дней, Гаргантюа отправился посмотреть город, и все с великим изумлением смотрели на него, потому что парижане так глупы, такие зеваки, так тупы, что любой фигляр, продавец индульгенций, какой-нибудь мул с бубенцами, игрок на виоле на перекрестке, соберут в Париже куда больше народу, чем хороший проповедник евангелия.

И они так назойливо его преследовали, что он был вынужден усесться на башни Собора Богоматери. Будучи там и видя вокруг себя столько народу, он громко сказал:

– Я думаю, что эти бездельники хотят, чтобы я им заплатил за приезд и прием. Это правильно, я угощу сейчас их вином, но только для смеха.

И вот, улыбаясь, Гаргантюа отстегнул свой прекрасный гюльфик и сверху так обильно полил их, что утопил 260 418 человек, не считая женщин и детей.

Некоторые из них, благодаря быстроте ног, спаслись от потопа, и когда были на самом верху, у Университета, задыхаясь и обливаясь потом, откашливаясь, отплеываясь, начали клясться и божиться, одни в гневе, другие со смехом: «Каримари-Каримара! Святая дева Мария, вот выкупали-то нас для смеху («Par ris»). Вот отчего и город с тех пор получил название «Париж» («Paris»). Прежде же, как говорит Страбон в кн. IV, его называли Левкецией⁴¹, что по-гречески значит «Белянка» – из-за белизны бедер у местных дам. А так как при названии города новым именем присутствующие клялись каждый святыми своих приходов, а парижане, набранные из всяких людей и со всяких стран, – все от природы хорошие юристы и хорошие ругатели и все немного самомнительны, то Иоаннин де-Барранко, в книге «Об избыточествующем чинопочитании» полагает, что они названы по-гречески «паррезииане», что значит «дерзкие на язык».

Помочившись, Гаргантюа начал рассматривать громадные колокола, висевшие на башнях собора, и очень гармонично в них зазвонил. Когда он звонил, то ему пришло на мысль, что они бы недурно могли служить колокольчиками на шее его кобылы, которую он собирался отправить обратно к отцу с большим грузом сыра бри и свежих сельдей.

И действительно, он унес их к себе.

В это время приехал командор св. Антония, для своего свиного сбора⁴². Он тоже хотел потихоньку унести колокола, чтобы о нем было издали слышно, и чтобы сало в кладовых дрожало (от страха, что его унесут), но из честности оставил их: не потому чтобы они жгли ему руки, а потому что были немножко тяжеловаты. Это местечко Сент-Антуан – не то, что в Бурге; командор последнего – мой друг⁴³.

Весь город возмутился: жители Парижа, как вы знаете, настолько склонны к бунту, что иностранцы изумляются долготерпению французских королей, которые, видя затруднения, происходящие от этого изо дня в день, не прибегают для обуздания парижан к мерам

⁴¹ По-латыни – *Lutezia Parisiorum*.

⁴² Члены ордена св. Антония пользовались репутацией целителей больных свиней. За это они получали в вознаграждение сало или окорок от убитой Свиньи. За этим-то сбором и явился командор (т.е. настоятель) ордена.

⁴³ Шутка Раблэ: некий Антуан-дю-Сэкс, настоятель церкви св. Антония в Бурге был приближенным савойского герцога и другом Раблэ.

правосудия. О, если бы богу было угодно, чтоб я мог проведать, в какой кузнице куются эти ереси и заговоры, и обнаружить их перед братствами моего прихода!

Поверите ли, весь этот обезумевший и взбудораженный народ сбежался к башне Нэль, где помещался тогда (теперь его нет) оракул Левкеции⁴⁴. Ему изложили все дело и указывали, на неудобства того обстоятельства, что колокола унесены.

После долгих обсуждений за и против, по фигуре «baralipton»⁴⁵, было решено послать к Гаргантюа старейшего и достойнейшего представителя факультета, чтобы указать ему на ужасное затруднение от пропажи колоколов, и – несмотря на возражения некоторых членов Университета, ссылавшихся на то, что подобное поручение скорее приличествует дать оратору, чем софисту – для этого дела был избран достопочтенный магистр Янотус де-Брагмардо.

ГЛАВА XVIII. Как Янотус де-Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы вернуть колокола

Магистр Янотус, выбритый под Цезаря, облачившись в шапочку на античный манер и ублажив свой желудок пирожными с вареньем из айвы и святою водою из погреба, отправился на квартиру Гаргантюа, предшествуемый двумя краснорожими приставами и сопровождаемый пятью-шестью грязнейшими магистрами без искусств.

У входа встретил их Понократ и ужаснулся, увидев такую ряженую компанию, и подумал, что это какие-то нелепые маски. Потом спросил у одного из магистров этой банды, что означает этот маскарад. Ему было отвечено, что они просят возвратить им колокола. Услышав это, Понократ тотчас побежал сообщить эти новости Гаргантюа, чтобы тот приготовился к ответу и наскоро решил, что делать.

Уведомленный об этом, Гаргантюа отозвал в сторону Понократа – своего наставника, затем Филотимия – своего дворецкого, Гимнаста – своего конюшего, и Эвдемона и советовался с ними о том, что делать и что отвечать. Все были того мнения, что – отвести в буфетную и там дать им по-мужицки выпить, а чтобы этот старый кашлюн не тщеславился тем, что колокола вернули благодаря его просьбам, – послать (пока он будет выпивать) за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и передать им колокола, раньше чем софист успеет изложить свое поручение.

После этого, в присутствии означенных лиц, выслушать его прекрасную речь. Когда все приглашенные собрались, софиста ввели в залу, полную народа, и он начал, откашлявшись, речь, которая следует ниже.

ГЛАВА XIX. Речь магистра Янотуса де-Брагмардо, обращенная к Гаргантюа, с просьбой вернуть колокола

– Угм. Гм. Гм. Mnadies, господин, Mnadies. Et vobis⁴⁶, господа.

«Было бы только хорошо, если бы вы вернули нам колокола, ибо они нам очень нужны. Гм, гм, кхе, кхе. Мы когда-то отказались отдать их за большие деньги лондонцам из Кагора, также и бордосцам из Брил, которые хотели купить их ради существенных достоинств

---

⁴⁴ Намек на существовавший там богословский факультет.

⁴⁵ В схоластической логике классификация умозаключений, в целях лучшего заучивания, была изложена в стихах: «Barbara, Celarent, Darii, Ferio... baralipton». По последней фигуре выводилось из двух общих утвердительных предпосылок частное следствие».

⁴⁶ Mnadies – вместо латинского «bonadies» (добрый день), напыщенное цежение сквозь зубы. Vobis – значит: «вам» (подразумевается: добрый день).

элементарной комплекции оных колоколов, каковая связана с земною сущностью при родной их эссенции в такой мере, что отгоняет лунный галос⁴⁷, и вихри от виноградников наших, то есть, собственно, не наших, а вообще окрестных. Ибо если мы лишимся вина и выпивки, мы лишимся всего – и разума, и закона. Если вы их нам вернете по моей просьбе, я заработаю десять локтей сосисок и пару хороших штанов, которые будут очень хороши для моих ног, – иначе же они не сдержат своих обещаний.

– О, ей-богу, Domine, хорошая вещь пара штанов. Et vir sapiens non abhorrebit eam⁴⁸. Ах, ах! Не всякий имеет штаны, кто хочет. Я это хорошо знаю по себе. Обратите внимание, Domine, что вот уже восемнадцать дней, как я умствую над сей прекрасной речью. Reddite quae sunt Caes, saris, Caesari: et quae sunt Dei, Deo. Ibi jacet lepus⁴⁹.

Честное слово, Domine, если вы хотите отужинать со мною in самира, черт возьми, charitatis, nos faciemus bonum churubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bonum vino⁵⁰. Из хорошего вина нельзя сделать плохой латыни. Итак, de parte Dei, date nobis clochas nostras⁵¹. Слушайте, я вам подарю от имени факультета сборник Sermones de Utino, utinam⁵² вы бы отдали нам наши колокола. Vultis etiam pardonos? Per diem vos habebitis, et nihil payabitise⁵³.

«О господин, Domine, clochidonnaminor nobis. Поистине est bonum urbis⁵⁴. Все ими пользуются. Если ваша кобыла с ними хорошо себя чувствует, то и наш факультет также, quae comparata est jumentis insipientibus, et similis facta est eis. Psalmo nescio quo⁵⁵. Если только я верно занес в свою книжку, et est unum bonum Achilles⁵⁶. Гм, гм, гм, кхе, кхе! Я вам докажу, что вы должны их мне вернуть. Ego sic argumentor.

Omnis clocha clochabilis in clocherio clochando, clochans clochativo, clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo gluc.⁵⁷

Ха-ха-ха, вот так сказано! Это по третьему виду первой фигуры умозаключения, по типу Darii⁵⁸ и так далее. Клянусь душой, было время, когда я умел дьявольски

⁴⁷ Halos – блестящий круг около луны, предвещающий, по мнению метеорологов того времени, дождь.

⁴⁸ Domine – по-латыни – «господи» (или «господин»)… «И мудрый муж не отвергнет ее».

⁴⁹ «Воздайте кесарево кесареви и божие богу. Здесь лежит заяц».

⁵⁰ «В горнице… милосердия мы хорошо угостимся. Я зарезал кабана, и у меня есть доброе вино». Все это на варварски искаженном латинском языке.

⁵¹ «Ради бога, отдайте нам наши колокола».

⁵² Игра слов: Леонард из Удинэ – знаменитый проповедник; utinam – по-латыни – «лишь бы».

⁵³ «Хотите ли отпущения грехов? Ныне же его получите и ничего не заплатите».

⁵⁴ «Господин, «околокольте» нас… это городское имущество».

⁵⁵ «Каковой сравнивается с неразумной кобылой и сотворен подобно ей. Псалом, не знаю который».

⁵⁶ «И это прекрасный Ахиллес» (в смысле «аргумент», т.-е.: в этом уязвимая пятя Ахиллеса).

⁵⁷ «Так аргументирую. Каждый звучно звучащий на колокольне колокол, звоня своим языком, заставляет звонящих звонко звонить. У Парижа есть колокола, что и требовалось доказать». Ergo gluc – абсурдный вывод – сокращенная фраза: «Ergo glu captiuntur aves». (Итак, птицы ловятся на клей). Такими словами в насмешку часто заканчивали речь.

⁵⁸ Первая фигура силлогизма M = P, S = M, S = P, третье видоизменение, когда S – частное утвердительное;

аргументировать. Ну, а сейчас умею только молоть вздор. И ничего мне больше не нужно, кроме вина да постели. Спину к огню, живот к столу, да полная миска – вот и все.

Domine, прошу вас – in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen⁵⁹, верните нам колокола; и бог да сохранит вас от болезни, и дева Мария, qui vivit et regnet per omnia secula seculorum, Amen⁶⁰. Гм, кхе, кхе, кхе, кхе!

«Verum enim vero, quando quidem, dubio procul, Edepol, quoniam, ita, certe, meus Deus fidius⁶¹, город без колоколов подобен слепцу без клюки, ослу без подхвостника, корове без бубенчиков. Пока вы не вернете нам их, мы не перестанем взывать к вам как слепой, потерявший клюку, – реветь как осел без ремня, – мычать как корова без бубенца. Некий латинист, живущий близ госпиталя, как-то, намекая на авторитет некоего Тапоннуса, – ошибаюсь: Понтануса, – светского поэта, сказал, что он желал бы, чтобы колокола были из перьев, а языки к ним – из лисьих хвостов: так как они причиняют ему мозговую боль, когда он сочиняет свои стихоподобные вирши. Но – пететен, пететак, тики-так и тук – его объявили еретиком; ведь лепим этих еретиков как из воска. И больше свидетель ничего не сказал. Valetе et plaudite. Calepinus recensui»⁶².

ГЛАВА XX. Как софист унес свое сукно, и как он имел тяжбу с другими

Еще софист не успел окончить речь, как Понократ и Эвдемон так сильно расхохотались, что можно было думать, что они богу душу отдадут, – ни более ни менее как Красе при виде осла, глотавшего красный чертополох, или Филемон, который тоже умер от смеху при виде осла, пожирав-

у них на глазах от чрезмерного сотрясения мозгового вещества, из коего выдавилась слезная жидкость и потекла по путям глазных нервов. Так что они представляли собой Демокрита гераклитствующего и Гераклита демокритствующего⁶³.

Когда смех окончательно утих, Гаргантюа посоветовался со своими, что делать. Понократ был того мнения, что надо вновь напоить этого прекрасного оратора, а в виду того, что он развлек их и рассмешил больше самого Сонжекре, выдать ему десять локтей сосисок, упомянутых в веселой речи, пару штанов, триста толстых поленьев дров, двадцать пять бочек вина, постель с тремя перинами гусиного пера, миску весьма объемистую и глубокую – словом, все, что, по его словам, было необходимо ему в старости.

Все было сделано согласно решению, кроме штанов, потому что Гаргантюа сомневался, чтобы нашлись штаны по его ногам, а также сомневался в том, какой фасон больше подойдет для оратора: или с мартингалом, который, как подъемный мост, служит для облегчения известных надобностей; или на морской образец, для удобства почеч; или на швейцарский фасон, чтобы согреть брюхо; или на манер трескового хвоста, чтобы не нагревать

по схоластической логике «Darii» (см. примеч. 54). Конечно, здесь насмешка над схоластикой!

⁵⁹ Формула католического богослужения: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

⁶⁰ «Которая живет и царствует во веки веков. Аминь».

⁶¹ Нагромождение латинских слов, союзов и наречий – пародия на стиль «цицероновских» речей школьных ораторов.

⁶² «Прощайте и похлопайте (в ладоши)» (такую формулой обыкновенно кончались латинские комедии). «Я, Калепинус, сочинение просмотрел (прорецензировал)», – формула подписи комментаторов.

⁶³ Гераклит («Темный») и Демокрит – древнегреческие философы.

поясницы; поэтому он просто велел выдать ему семь локтей черного сукна и три – белой материи на подкладку. Дрова снесли носильщики; сосиски и миски потащили магистры искусств. Магистр Янотус захотел нести сукно.

Один из указанных магистров, по имени Жусс Бандуй, поставил ему на вид, что так неприлично и нечестно делать в его положении, и что ему следует поручить сукно кому-нибудь из них.

– Ах ты, осел, осел, – сказал Янотус, – ты не строишь заключения по фигурам и по модусам. Вот к чему привели предположения и *parva logicalia*. *Pannus pro quo supponit*⁶⁴?

– Confuse, – сказал Бандуй, – *et distributive*⁶⁵.

– Не о том спрашиваю тебя, осел, *quomodo supponit*, но *pro quo*? Ответ: *pro tibiis meis*⁶⁶. Посему – его понесу я, *egomet, sicut suppositum portet adpositum*⁶⁷.

И понес его крадучись, словно Пателэн.

Интересно было то, что кашлюн торжественно потребовал штаны и сосиски и на пленарном заседании Матюренов⁶⁸, так как ему было в них решительно отказано, поскольку он их получил уж от Гаргантюа, о чем было известно. Он возражал, что то было *gratis*⁶⁹, от щедрости Гаргантюа, которая вовсе не освобождает их от исполнения обещания. Несмотря на это, ему было отвечено, чтобы он довольствовался справедливым, и что другого куска он не получит.

– Справедливости, – сказал Янотус, – тут нет и капли. Ах вы, несчастные предатели, ничего вы не стоите, хуже вас людей и земля не носила, я это хорошо знаю. Не хромайте перед горбатыми; ваши гадости я с вами проделывал. Клянусь крысой божьей, я донесу королю об огромных злоупотреблениях, которые тут творятся и проделываются вашими руками, и пусть я запаршивею, если он не велит сжечь вас всех живьем, как плутов, изменников, еретиков и соблазнительей, врагов бога и добродетели!

За эти слова составили против него обвинительный акт; он со своей стороны тоже вызвал магистров в суд. В общем, тяжба в суде затянулась и тянется до сего дня. По этому случаю магистры поклялись не очищаться от грязи, а Янотус со своими единомышленниками дал обет не утирать носа до тех пор, пока не будет вынесен окончательный приговор.

В силу таких клятв, до сего дня пребывают они грязными и сопливыми, так как суд до сих пор еще не раскопал всего дела; приговор последует в ближайшие греческие календы, что значит – никогда. Вы ведь знаете, что судейские делаю больше, чем природа, и даже вопреки собственным статьям. Так, в парижских кодексах поется, что один только бог может творить бесконечное. Природа не создает ничего бессмертного, ибо всему созданному ею полагает предел и конец, *ибо omnia orta cadunt, etc...*⁷⁰ Но эти туманоглотатели⁷¹ делают

⁶⁴ «Недостаток логики. Сукно для кого предположено?»

⁶⁵ «Неопределенно и разделительно».

⁶⁶ Не спрашиваю: «Каким образом?» – но: «Для кого?» Ответ: «Для моих костей».

⁶⁷ «Я, поскольку то, что предполагается, несет (в себе) и то, что прилагается».

⁶⁸ Члены ордена, основанного с целью способствовать выкупу невольников у магометан и существовавшего с 1199 г. Впоследствии имя «Матюренов» стало нарицательным. Для обозначения сумасшедших фантазеров, юродивых и просто умалишенных.

⁶⁹ «Даром, в подарок».

⁷⁰ По Саллюстию: «Все рожденное обречено гибели».

разбираемые ими тяжбы бесконечными и бессмертными. Делая это, они подтверждают изречение Хилона Лакедемонянина: «Нищета – подруга тяжбы, и ненастны тяжущиеся, ибо скорее придет конец жизни, чем конец суда».

ГЛАВА XXI. Занятия Гаргантюа, согласно расписанию софистов, его наставников

Когда прошли первые дни и колокола были водворены на свое место, парижане, в благодарность за порядочность Гаргантюа, предложили содержать и кормить его кобылицу, сколько он пожелает. Гаргантюа согласился с удовольствием, и кобылу отправили в лес Бьер. Думаю, что теперь ее там уже нет.

После этого Гаргантюа захотел, по силе своего разума, учиться по указаниям Понократа, но последний, для начала, велел ему заниматься по прежней привычной системе, чтобы понять, каким путем бывшие его учителя в столь долгое время сумели создать из Гаргантюа такого фата, глупца и невежду. Он распределил время Гаргантюа таким образом, что он просыпался обычно между восемью и девятью часами, было ли светло или нет; так установили его прежние воспитатели, ссылавшиеся на слова Давида: «*Vanum est vobis ante lucem surgere*»⁷². В постели он некоторое время болтал ногами, подпрыгивал, валялся на матрасе, чтобы возбудить животные токи в своем теле; потом, смотря по времени года, одевался, при чем охотно надевал широкий и длинный плащ из толстой фризской ткани, подбитый лисьим мехом. Затем причесывался немецким гребнем, то есть пятернею, потому что его воспитатели говорили, что иначе причесываться, мыться и чиститься – значит, тратить даром время на этом свете.

Затем он облегчался сзади и спереди, прочищал гортань, харкал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архиидиакон, и завтракал, для предохранения себя от сырости и простуды, чудесными вареными потрохами, жареным мясом, прекрасной ветчиной, жареной козлятиной и хлебом с супом. Понократ заметил ему, что не следует наедаться, только что вскочив с постели, не поделав прежде чего-нибудь. Гаргантюа ответил:

– Как? Разве я не достаточно упражняюсь? По шести-семи раз ворочаюсь на постели, прежде чем встать, разве это мало? Папа Александр (V), по совету врача-еврея, делал то же и прожил до самой смерти, к досаде всех завистников. Меня приучили к этому первые мои наставники; они говорили, что завтрак улучшает память, поэтому за завтраком сами первые пили. От этого я чувствую себя очень хорошо и только лучше обедаю. Магистр Тюбаль (а он был первым по получению парижского лиценциата) говаривал мне, что сила вовсе не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы раньше выбежать. Поэтому для полного здоровья человеку вовсе не важно пить непрерывно, как утка, а важно выпить с утра; на это есть и стих:

Подняться рано – еще не штука,
А рано выпить – это наука.

Позавтракав как следует, Гаргантюа отправлялся в церковь; в громадной корзине за ним несли толстенный, завернутый в мешок молитвенник, весивший вместе с салом от пальцев, застежками и пергаментом ни более ни менее как 11 квинталов 6 фунтов. В церкви отстаивал 26 или 30 обеден. В это время являлся и его капеллан, весь закутанный, как

---

⁷¹ Бездельники, занимающиеся вздором.

⁷² «Суeta есть вставать вам до свету». Шутка заключается в возможности именно такого перевода этого латинского текста (псалма), который принято толковать, конечно, иначе.

птица-хохлатка, и хорошо обезвредивший свое дыхание сильной дозой виноградного сока.

Вместе с ним он бормотал все ектении и так тщательно вылущивал их, что ни одно зерно не падало на землю. По выходе малого из церкви ему привозили на телеге запряженной волами, кучу четок святого Клавдия, каждое звено величиною с голову, и он, прогуливаясь по монастырю, галереям или саду, читал больше молитв, чем шестнадцать пустынников.

Потом он учился каких-нибудь жалких полчаса, с глазами, уставленными в книгу, но, как говорит комик, душа его была на кухне.

Далее, помочившись как следует, он садился за стол и, будучи по природе флегматиком, начинал свой обед с нескольких дюжин окороков, копченых языков и колбасы, икры и других закусок, предшествующих вину. В это время четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полными лопатами горчицу: потом он выпивал огромный глоток вина, чтобы облегчить почки. Затем, смотря по времени года, съедал в меру своего аппетита говядины и прекращал еду только тогда, когда живот начинало пучить. Но для питья никаких пределов и законов не было, потому что Гаргантюа говорил, что границей и межевым столбом для пьющего является срок, когда у него в туфлях пробочные стельки взбухнут на полфута.

ГЛАВА XXII. Игры Гаргантюа

Потом, с трудом прожевав обрывок благодарственной молитвы, Гаргантюа умывал свежим вином руки, прочищал зубы кабаньей ногой и весело болтал со слугами. Те, растянув ковер, раскладывали кучу карт, костей для игры и досок. И он принимался играть.

Вдоволь поигравши, порастрясши и просеявши время, следовало немножко выпить, каких-нибудь одиннадцать горшков на человека, а после угощения хорошо растянуться на хорошей скамье или на хорошей кровати, поспать часа два-три, без дурных мыслей и дурных слов.

Гаргантюа, проснувшись, встряхивал ушами. В это время ему приносили свежего вина; тут он выпивал лучше, чем когда-либо. Понократ увещевал его, что для здоровья вредно пить после сна. «Это истинная жизнь святых отцов, – говорил Гаргантюа, – у меня от природы соленый сон: спать для меня – то же, что есть ветчину»⁷³. Затем принимался немного за ученье и, вооружившись четками, чтобы дело шло по форме, садился на старого мула, служившего уже девяти королям. Так, бормоча сквозь зубы и кивая головою, ехал вынимать кроликов из западни.

По возвращении заходил в кухню, посмотреть, что жарится на вертеле.

Ужинал, скажу по совести, очень хорошо и охотно приглашал нескольких собутыльников из своих соседей, и выпивая с ними вдоволь, рассказывали о старых и о новых.

В числе слуг у него были господа дю-Фуде-Гурвиль, де-Гриньо и де-Мариньи. После ужина опять вынимались деревянные евангелия, то есть шашечницы, либо карточные талии, одна-две-три колоды или даже вся куча. А не то шли к девушкам поблизости и по дороге опять, выпивали и закусывали. Потом Гаргантюа спал без просыпа до восьми часов следующего утра.

ГЛАВА XXIII. Как Гаргантюа обучался Понократом в таком порядке, что не терял ни одного часа в день

Когда Понократ ознакомился с неправильным образом жизни Гаргантюа, он решил иначе обучать его наукам; но на первые дни оставил все, как было, считая, что природа не

⁷³ Шутливый намек на известную поговорку: «Qui dort done» (Кто спит, обедает).

выносит резких перемен без сильного потрясения. Для лучшего начала своего дела он спросил одного ученого врача того времени, магистра Теодора, считает ли тот возможным вновь направить Гаргантюа на лучшую дорогу.

Этот доктор, согласно правилам, прочистил его антикирской чемерицей и лекарством очистил мозг юноши от порчи и извращенных привычек. Тем же средством Понократ заставил Гаргантюа позабыть все, чему он выучился у прежних своих учителей, – как поступал Тимофей⁷⁴ с теми из своих учеников, которые обучались у других музыкантов. Чтобы лучше достичь этого, он ввел Гаргантюа в общество местных ученых, дабы соревнование с ними подняло дух юноши и возбудило желание учиться и добиться успехов.

Затем распределил его занятия так, что он не терял ни одного часу дня и все свое время употреблял на изучение благородных наук. Вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, ему читали вслух, громко и ясно и с подобающею произведению выразительностью, несколько страниц из священного писания. Для этого был специально приставлен молодой паж, по имени Анагност, родом из Башэ. В соответствии с содержанием читаемого Гаргантюа часто принимался молиться, просить и умолять доброго господа. В чтении этом он познавал господне величие и чудесное разумение. После он удалялся в места уединения, чтобы отдать долг природе.

Там учитель повторял ему прочитанное, разъясняя наиболее темные и трудные места. На возвратном пути они наблюдали состояние неба, – таково ли оно, как накануне вечером, и под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце, и под каким луна. После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, принаряжали и опрыскивали духами, при чем все это время повторяли ему вчерашние уроки; и он сам говорил их наизусть и связывал их с какими-нибудь практическими случаями, относящимися к человеческой жизни; это продолжалось часа два-три, но обыкновенно кончалось, когда он был совсем одет.

Потом добрых три часа было чтение. После чего выходили на воздух, не переставая беседовать о прочитанном, и шли заняться спортом в Брак⁷⁵, или за город, на луга, где и играли в мяч, в лапту, – отважно упражняя тело, как раньше упражняли душу. Игры их отнюдь не были принудительны, потому что они бросали партию, когда вздумается, и обыкновенно прекращали играть, как только вспотеют или утомятся. Тогда, хорошенько вытерши пот, а тело растерши, меняли рубашки и, неспешно прогуливаясь, заходили посмотреть, не готов ли обед. В ожидании последнего, ясно и выразительно декламировали какие-нибудь сентенции, запомнившиеся из урока. Тем временем приходил Господин Аппетит; в добрый час садились за стол. За первыми блюдами читали какую-нибудь занятную историю о старинных подвигах, до того времени, как Гаргантюа принимался за вино. А затем – если заблагорассудится – продолжали чтение или начинали веселый общий разговор, – в первые месяцы говоря об особенностях, свойствах, действии и природе всего, что было подано на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, фруктов, трав, корнеплодов, и о приготовлении из них кушаний.

Благодаря этому Гаргантюа в короткое время выучил все соответствующие места из Плиния, Атеней, Диоскорида, Юлия Поллукса. Галена, Порфирия, Опиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других.

Во время этих бесед частенько приносили на стол для проверки вышеназванные книги. И он так хорошо и всецело удержал в своей памяти все эти вещи, что не было в то время врача, который бы вполтину знал столько, как Гаргантюа.

Затем шел разговор об утренних уроках, и, кончив обед каким-нибудь пирожным с вареньем из айвы, Гаргантюа чистил зубы стволем мастикового дерева, мыл себе руки и

⁷⁴ Флейтист при Александре Македонском.

⁷⁵ Врасque – «лягавая собака» – вывеска манежа для игры в мяч, находившегося в предместье Парижа Сен-Марсо.

глаза свежей водой и воздавал хвалу господу богу несколькими прекрасными песнопениями, сочиненными во славу божественного милосердия и щедрот.

После этого приносили карты – не для игры, но для того, чтобы научиться тысячам забавных штук и выдумок, всех основанных на арифметике. И таким путем он чрезвычайно полюбил эту числовую науку. После обеда и ужина развлекался с таким же удовольствием, как прежде за картами и костями. Впоследствии он так хорошо познал теорию и практику этой науки, что Тэнсталь – англичанин, автор пространного о ней сочинения – признавался, что по сравнению с Гаргантюа он в ней понимал столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, но и в других математических науках, как в геометрии, астрономии и музыке; потому что в ожидании переваривания пищи они чертили много забавных геометрических фигур и построений, а также практиковались в астрономических законах. А потом услаждались пением на четыре и пять голосов на какую-нибудь тему, приятную для горла. Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейтах немецкой и девятиклапанной, на виоле и тромбоне.

Так проведя этот час, по окончании пищеварения Гаргантюа освобождал свой желудок, а после еще на три часа или больше садился за главные свои занятия: как за повторение утренних уроков, так и за продолжение чтения начатых книг или за упражнения в чистописании античных и романских букв. После этого они выходили из дому, и с ними один молодой человек из Турени, которого звали Гимнаст – конюший, который обучал его искусству верховой езды.

Переодевшись, Гаргантюа вскакивал или на скакуна, или на битюга, или на испанского жеребца, или на берберского, – на доброго, словом, коня, и то пускал его во весь опор, то вольтижировал в воздухе, то заставлял его брать канавы и барьеры, описывать круги на небольшом пространстве, справа налево и обратно. Потом ломал, только не копьё, – нет в мире ничего глупее, как кричать: «Я сломал десять копий в турнире или в битве», – любой плотник это сумеет сделать, – хвала и честь тому, кто одним копьём сломает десятерых врагов. Гаргантюа своим крепким и твердым копьём со стальным концом ломал ворота, пробивал латы, крушил деревья, подхватывал кольцо, поднимал на лету седло, длинную кольчугу или железную перчатку. Гаргантюа при этом был вооружен с головы до ног.

Что касается умения погарцовать и заставлять коня проделывать разные штуки, то никто этого не умел делать лучше, чем он. Сам феррарский вольтижёр был обезьяной в сравнении с ним. Особенно он выучился быстро перескакивать с коня на коня, не касаясь земли; с любой стороны, с копьём в руке, вскакивать на коня без стремян и править без всякой узды, куда угодно. Все это важно для военной науки.

В другие дни он упражнялся с алебардой, и так хорошо ею владел, что прослыл настоящим рыцарем как на поле брани, так и в примерных поединках.

Владел он, кроме того, пикой, эспадроном для двух рук, длинной шпагой, рапирой, широким и узким кинжалом; бился в кольчуге и без нее, со щитом большим и малым.

Преследовал на коне оленя, козулю, медведя, серну, кабана, зайца, фазанов, куропадок, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его на воздух и ногой и кулаком.

Боролся, бегал, делал прыжки, – не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки. «Эти виды прыжков, – говорил Гимнаст, – бесполезны и на войне не нужны». Он перепрыгивал широкие канавы, перелетал через изгороди, взбегал шагов на шесть на стену и таким образом взбирался до окна, находившегося на высоте копья.

Плавал в глубокой воде на груди, на спине, на боку, то всем телом, то одними ногами; то с рукой в воздухе, держа в ней книгу, переплывал всю Сену, не замочив книги, и таща свой плащ в зубах, как делал Юлий Цезарь. Потом при помощи одной руки вскакивал в лодку и снова бросался в воду, головою вперед, доставал дно, спускался к подводным частям скал, плавал в безднах и омутках. Затем поворачивал лодку, правил ею, вел ее то быстро, то медленно, по течению и против, задерживая лодку у самой плотины; одной рукою вел другой

делал упражнения с большим веслом; ставил паруса, влезал на мачты по канатам, бегал по реям, укреплял бусоль, поворачивал булинь против ветра, твердо держал руль. Выскочив из воды, быстр взбегал на гору и так же легко сбегал; на деревья карабкался, как кошка прыгал с одного на другое, как векша; ломал толстые ветки, как второй Милон. При помощи двух отточенных кинжалов и двух испытанных по крепости буравов взбирался, точно крыса, на вершину дома и потом спускался сверху вниз в такой позе, что ни в коем случае не давал повода бояться за возможность падения.

Метал дротик, железный брус, камень, длинное копье, рогатину, алебарду, натягивал лук и осадный арбалет, нацеливался из пищали, наводил пушку, стрелял в цель – в попугая: снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок, назад, как парфяне.

Для него подвязывали канат, свисающий до земли с какой-нибудь высокой башни, и Гаргантюа на одних руках влезал по нему вверх, а затем спускался вниз, так быстро и так уверенно, что вы лучше не сумели бы проползти на гладком лугу. Или клали, укрепив на двух деревьях, огромную перекладину, и он цеплялся за нее руками и на руках переходил с одного конца на другой, не касаясь ногами ни до чего, так быстро, что его нельзя было догнать даже бегом.

А для упражнения груди и легких Гаргантюа кричал как целый хор чертей. Раз я как-то слышал, как он звал Эвдемона, – от ворот св. Виктора до Монмартра. Даже у Стентора в битве под Троей не было такого голоса.

Для укрепления нервов ему отлили две болванки из свинца, каждая 8700 квинталов весом, которые он называл гирями. Он брал с земли по одной в каждую руку и держал их над головою, не двигаясь, три четверти часа и дольше, – это была сила неподражаемая.

С первыми силачами играл в брусья. Во время игры он так твердо держался на ногах, что сдавался только самым отважным, которые могли сдвинуть его с места, как когда-то Милон, в подражание которому он также держал в руке гранату и отдавал ее тому, кто мог у него ее отнять.

После такого времяпрепровождения его растирали, чистили и одевали в свежий наряд, и он потихоньку возвращался домой. Проходя по лугам или другим покрытым травой местам, рассматривали растения и деревья, справляясь по книгам древних ботаников, – таких, как Теофраст, Диоскорид, Маринус, Плиний, Никандр, Мацер и Гален, и приносили домой много зелени. За этим поручено было наблюдать молодому пажу Ризотому, а также за лопатами, граблями, кирками, скребками, ножами и другими потребными для гербаризации инструментами.

По приходе домой, пока готовили ужин, они повторяли некоторые места из прочитанного и садились за стол. Обед Гаргантюа, заметьте, был умеренным и простым, – потому что ели только, чтобы обуздать позывы желудка; но ужин был обильный и продолжительный, потому что тут Гаргантюа ел столько, сколько надо было для поддержания сил и питания. Это есть истинная диета, предписываемая добрым и точным медицинским искусством, хотя толпа тупиц врачей, препирающихся в школе софистов, советуют обратное. Во время ужина продолжался обеденный урок, сколько хотелось; остальную часть ужина проводили в полезных литературных беседах.

Затем, помолившись, принимались петь, играть на музыкальных инструментах; или развлекались картами или костями, и так оставались, угощаясь и забавляясь, иной раз до часа сна, а иной раз посещали общество людей ученых или таких, что видели чужие страны.

Совсем ночью, до того как укладываться спать, шли на самое открытое место – посмотреть небо, и наблюдали кометы, если они были, или положение, внешний аспект, противостояние и сочетания светил.

Затем Гаргантюа вкратце, по пифагорейскому способу, повторял с наставником все прочитанное, виденное, заученное, сделанное и слышанное в течение дня.

После же, помолившись, ложился спать.

ГЛАВА XXIV. Как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если случалась дождливая и холодная погода, то все время до обеда проводилось как и всегда, с тою разницею, что приказывалось развести яркий огонь, чтобы ослабить суровость погоды. Но после обеда, вместо гимнастических упражнений, оставались дома и, в гигиенических целях, принимались сгребать сено, колоть и пилить дрова, молотить в риге зерно; затем упражнялись в живописи и в скульптуре, или же возобновляли древний обычай игры в тали⁷⁶, как ее описал Леоник, и как играет наш друг Ласкарис⁷⁷.

Во время игры они повторяли места из древних авторов, где упоминается об этой игре. Иной раз или ходили смотреть, как плавят металлы, или как льют орудия, или же ходили смотреть мастерские гранильщиков, ювелиров, резчиков драгоценных камней; лаборатории химиков и монетчиков; ковровые мастерские, шелковые и бархатные, ткацкие; ходили к часовых дел мастерам, к зеркальщикам, типографщикам, органистам, красильщикам и всякого рода другим мастерам. Везде давая на вино, они изучали всякие мастерства и разные нововведения в них.

Ходили слушать публичные лекции, на торжественные акты, ораторские упражнения, декламации, на соревнования искусных адвокатов и на выступления евангелических проповедников.

Ходили в залы и места, устроенные для фехтования, и там Гаргантюа выступал против мастеров всякого оружия и доказывал им наглядно, что знал столько же, если не больше их. Вместо того чтобы собирать растения, они посещали лавки москательщиков, собирателей трав и аптекарей и внимательно рассматривали плоды и корни, листья, смолу, семена, всякие чужеземные мази и также, как их подделывали. Ходили смотреть акробатов, жонглеров и фокусников, и Гаргантюа изучал их Уловки и движения, прыжки и красноречие: особенно уроженцев Шони в Пикардии, так как те от природы большие краснобаи и молодцы дурачить людей.

Возвратившись к ужину, ели меньше, чем в другие дни, выбирая пищу более сушащую и более тощую, чтобы этим противодействовать сырости воздуха, в силу необходимости сообщаемой телу, и чтобы уменьшить вред от того, что они не имели обычных физических упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа и преуспевал изо дня в день, извлекая, как вы сами понимаете, ту пользу, какую может извлечь юноша, соответственно своему возрасту одаренный умом, из таких непрерывных упражнений, которые хотя сначала и показались ему трудными, но впоследствии – такими легкими, приятными и любезными, что походили больше на королевские развлечения, чем на школьные занятия. Однако Понократ, желая дать своему воспитаннику отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал погожий и ясный день, когда они с утра двигались за город и отправлялись в Жантильи, или в Булонь, или в Мон-Руж, в Пон-Шарантон, в Ванв, или в Сен-Клу. И там проводили весь день, услаждаясь, как только могли: шутили, смеялись, вдоволь угощались вином, играли, распевали песни, танцевали, валялись на траве лужаек, искали по гнездам птиц, ловили перепелов, лягушек и раков.

Но хотя такой день проходил без книг и чтения, все же не без пользы, потому что на лужайках они повторяли наизусть какие-нибудь приятные стихи из агрикультуры Виргилия, из Гезиода, из «Рустико» Полициана; списывали забавные латинские эпиграммы и потом перекладывали их во французские стихи в форме рондо и баллад.

Угощаясь, отделяли воду от вина, как учит Катон в сочинении «О деревенских делах» и Плиний, пользуясь для того плющом. Вино промывали в полном чану, откуда выливали его через воронку, а воду заставляли переливаться из одного сосуда в другой. Таким образом

---

⁷⁶ Вид игры в кости.

⁷⁷ Ласкарис был библиотекарь французского короля Франциска I (1515–1547).

они соорудили несколько приборов-автоматов, то есть самодвижущихся.

ГЛАВА XXV. Как между пекарями из Лернэ и людьми из страны Гаргантюа возник великий спор, следствием чего были крупные войны

В то время года, когда бывает уборка винограда, в начале осени, местные пастухи занимались охраной виноградников и сторожили, чтобы скворцы не клевали винограда. В это время по большой дороге проезжали пекаря из Лернэ, с обозом в десять-двенадцать возов, нагруженных лепешками. Пастухи вежливо попросили пирожников снабдить их этим товаром по рыночной цене. Заметьте, что это божественная еда – съесть за завтраком винограду с лепешками (все равно какого: дамских пальчиков, изабеллы, малаги, коринки) для страдающих запором.⁷⁸

Просьбу пастухов пекаря не только не были склонны удовлетворить, но – что хуже – стали их оскорблять, обзывая их пустомелями, зубоскалами, пачкунами, тупоумными чурбанами, глухарями, тетерями, бездельниками, обжорами, пьяницами, фанфаронами, негодяями, бараньими башками, щелкунами, собаками, петухами, жадинами, флюгарками, тюфяками, дубинами, оборванцами, лохмачами, сквернословыми, скрипунами, пастухами и другими, еще худшими словами. И к этому прибавили, что лепешки им-де не к лицу, и что они должны довольствоваться серым хлебом.

На такие оскорбления один из обиженных, по имени Форжье, очень честная личность и юноша знатный, тихо ответил:

– С каких пор у вас выросли рога, что вы стали так наглы? Ведь прежде вы нас обыкновенно охотно снабжали лепешками, а теперь отказываетесь. Это не по-соседски, и мы никогда не поступаем с вами так, когда вы приезжаете к нам покупать прекрасную пшеницу, из которой вы печете свои пироги и лепешки. Мы бы дали вам за них в придачу винограду, но теперь, клянусь богородицей, вы раскаетесь в этом: и вам как-нибудь придется иметь дело с нами, и тогда мы поступим с вами подобным же образом, – помните это.

Тогда Маркэ, великий жезлоносец⁷⁹ братства пекарей, отвечал:

– Право, ты очень петушишься сегодня. Не наелся ли ты вчера на ночь проса? Поди сюда, поди, я тебе дам лепешку.

Тогда Форжье, в простоте душевной, подошел и вытащил было из пояса монету, полагая, что Маркэ отпустит ему лепешек; но тот хлестнул его кнутом по ногам так, что появились рубцы, а сам хотел спастись бегством. Но Форжье, закричав во всю мочь: – Убийца! Насильник! – бросил в него толстой дубиной, которую носил под мышкой, и попал ему в шов лобной кости, прямо над височной артерией с правой стороны, так что Маркэ свалился со своей кобылы и похож был скорее на мертвого, чем на живого.

Тем временем подбежали хуторяне, которые неподалеку сбивали орехи длинными палками, и начали колотить пекарей как сыромолотную рожь. Другие пастухи и пастушки, слышав крики Форжье, прибежали с прутьями и палками и стали осыпать их камнями как градом. В конце концов они захватили их и отняли у них дюжины четыре-пять лепешек; все-таки они заплатили за них по обычной цене и дали им впридачу орехов и три корзинки белого винограду.

Пекаря помогли тяжело раненому Маркэ сесть на лошадь и вернулись в Лернэ, не продолжая пути в Парелье и крепко и сильно угрожая пастухам и хуторянам из Севилье и Синэ. После этого пастухи с пастушками отлично угостились лепешками с чудесным виноградом, повеселились под звуки волынки, подсмеиваясь над хвастливыми пекарями,

⁷⁸ Далее идет непристойное описание действия такой еды.

⁷⁹ Т.-е. староста.

которым не повезло, потому что, верно, утром они не той рукой перекрестились.

К ногам Форжье заботливо и тщательно прикладывали кисти грубого винограда, так что он скоро излечился.

ГЛАВА XXVI. Как жители Лернэ под предводительством короля Пикрошоля напали без предупреждения на пастухов Гаргантюа

Вернувшись в Лернэ, пекаря сейчас же, не пивши, не евши, двинулись в Капитолий и на свою обиду изложили жалобу королю, которого звали Пикрошоль Третий, показали ему свои сломанные корзины, ободранные шляпы, разорванные плащи, раздавленные лепешки, а прежде всего тяжело раненого Маркэ, рассказав, что все это наделали пастухи и хуторяне Грангузье на большой дороге за Севилье.

Король пришел сейчас же в неистовую ярость и, не расспрашивая, как и почему, послал по всей стране кликнуть клич, чтобы каждый, под страхом веревки на шею, в полном вооружении явился в полдень на большую площадь перед королевским замком.

И, чтобы подтвердить свое решение, приказал бить в барабан вокруг города; сам же, пока готовили обед, пошел приказать, чтобы ставили! орудия на лафеты, развернули его знамя и значки и грузили побольше военного снаряжения и провианта. За обедом король давал поручения: так, г-ну Трепелю 96 было приказано командовать авангардом, в котором насчитывалось 16014 пищальников и 30011 других пехотинцев. Командиром артиллерии назначен был обер-шталмейстер Тукдильон; в ней насчитывалось 914 тяжелых бронзовых орудий: пушек, двойных пушек, сто василисков, серпентин и других.

Арьергард был поручен герцогу Ракденару. В отряде находились король и принцы королевства. Снарядившись в поход, раньше чем выступить, послали отряд легкой кавалерии из 300 человек, под началом капитана Ангулевана, чтобы ознакомиться с местностью и узнать, нет ли где поблизости засады. Но после тщательной разведки убедились, что все в окружности тихо и спокойно, и нет никакого сблища. Услышав это, Пикрошоль приказал, чтобы все спешно шли под свои знамена. Тогда все в беспорядке бросились в поле, путаясь одни среди других, портя и уничтожая все попадавшееся на пути, не щадя ни бедного, ни богатого, ни святых мест, ни мирских; уводили быков, коров, волов, бычков, телок, овец, баранов, козлов и коз; кур, каплунов, цыплят, утят, гусей и уток; боровов, свиней, поросят; сбивали орехи, обрывали виноград, уносили целые лозы, обтряхивали плоды с деревьев. Беспорядок производили несравнимый. И не было никого, кто бы им сопротивлялся, а каждый сдавался на их милость, умоляя поступить с ним почеловечнее, — во внимание к тому, что все время они были добрыми и любезными соседями. «Мы-де никогда не наносили вам никаких обид и оскорблений, за что терпеть нам такие мучения? Бог вас за это вскоре накажет». Но на все эти доводы последние отвечали только: «Мы хотели только научить вас есть лепешки».

ГЛАВА XXVII. Как некий монах из Севилье спас сады аббатства от вражеского разграбления

Так они бесновались, грабя и разбойничая, пока не дошли до Севилье и не разорили до нитки мужчин и женщин и не забрали у них всего, что могли, при чем ничто не было для них ни слишком горячим, ни слишком тяжелым. Хотя в большей части домов гнездилась чума, они входили всюду и расхищали все, что было внутри, и никто при этом не заболел, — случай прямо чудесный: ибо все священники и викарии, проповедники, врачи, хирурги и аптекаря, приходившие ухаживать за больными, лечить, исповедовать и наставлять их, — все перемерли, заразившись, а эти дьяволы — грабители и убийцы — не заболели. Отчего это, господа? Подумайте-ка об этом, прошу вас.

Разорив таким образом весь город, со страшным шумом добрались они до аббатства, но

нашли его запертым и под крепкой охраной. Поэтому главная часть войска прошла мимо, к Ведскому броду, за исключением семи пеших отрядов и двух сотен копейщиков, оставшихся ломать ограду фруктового сада, чтобы испортить весь сбор винограда. Бедняги-монахи не знали, какому святому себя поручить. На всякий случай принялись бить *ad capitulum capitulantes*⁸⁰. Тут же было решено, пойти крестным ходом, с пением и литаниями, «*contra insidias*»⁸¹, и воззваниями «рго расе»⁸². В то время в аббатстве был монах, по имени брат Жан Des Entommeures⁸³, – брат-задира, человек молодой, нарядный, веселый, ловкий, сильный, смелый, отважный, решительный, высокий, худощавый, горластый, с выдающимся носом, торопливый в чтении часов, быстро отзванивавший мессу и вмиг отделявавшийся от вечерни. Словом, самый настоящий монах из всех, что существовали с тех пор, как монашеский мир обмонашился⁸⁴ монашеством. Кроме всего прочего, был учен до зубов в отношении требника.

И вот он, услышав шум, производимый неприятелем в их винограднике, вышел посмотреть, что там делается, и, видя, что опустошается виноградник, в котором заключался весь годовой запас вина, возвратился на хоры, в церковь, где были другие монахи, пораженные, как литейщики колоколов, разбившие форму. Видя, что они распевают: „Im, im, re, e, e, e, e, tum, um, in, i, ni, i, mi, so, o, o, o, o, o, gum, um»⁸⁵, закричал:

– Хороши песни! А что вы, с божьей помощью, не поете: «Прощай корзины, сбор окончен»⁸⁶? Чорт меня побери, если они не в нашем саду, и так режут и гроздьи и лозы, что года четыре, ей-богу, нам придется подбирать одни оборыши. Клянусь чревом святого Иакова! Что мы, бедные, пить будем? Господи боже, *damihî rotum!* Дай мне пить, господи!

Тогда приор монастыря сказал:

– Что тут делает этот пьяница? Посадить его в карцер! Смеет нарушать богослужение!

– Но надо сделать, – сказал монах, – чтобы винослужение тоже не нарушалось; ведь сами вы, господин приор, любите выпить получше: так делает каждый порядочный человек; никогда благородный человек не ненавидит доброго вина: такова монашеская заповедь. А ваши песнопения, ей-богу, не ко времени. Почему часы наши во время жатвы и сбора винограда короткие, а зимой длинные?

«Покойный, блаженной памяти, брат Маса Пелос, истинный ревнитель нашей религии (черт меня побери, если я вру!), помнится, говаривал мне, что это по той причине, что в это время мы отжимаем виноград и готовим вино, а зимой его потребляем.

«Слушайте, господа, вы, которые любите вино: во имя тела господня, следуйте за мной. Потому что – да сожжет меня святой Антоний, если попробует вина кто-нибудь из тех, кто не будет помогать отстаивать виноградник. О чрево господне! Церковное имущество! О нет! Черт возьми! Святой Фома Английский⁸⁷ за церковное имущество принял смерть: значит,

⁸⁰ В подлиннике: «*ad capitulum capitulantes*» – «для вызова всех членов капитула».

⁸¹ «Против козней вражеских».

⁸² «О мире».

⁸³ «Entamure» – крошево.

⁸⁴ «Le monde moinant moina de moinerie».

⁸⁵ То есть: «*impetum inimicorum*» – «нападения врагов».

⁸⁶ Известная песенка: «*Adieu, paniers, vendanges sont faictes*».

⁸⁷ Фома Бекет, епископ Кентерберийский, убит в 1162 г.

если я за это умру, – разве не попаду также в святые? Но я все-таки не умру, а заставлю умереть других».

Говоря это, он сбросил свою рясу и вооружился древком от креста, сделанным из сердцевины ясеня, длиною с копье, а толщиной с кулак; на нем кое-где были нарисованы лилии, которые почти стерлись. Так он вышел в одном подряснике, перевязался рясой и кинулся с своим древком от креста на врагов, которые без всякого порядка, без знамен, трубача и барабанщика, обирали виноград в саду. Знаменщики поставили свои знамена вдоль стен, барабанщики проломали барабаны с одного боку, чтобы наполнить их виноградом, трубы тоже нагроулили гроздьями, – всякий безобразил по-своему. И он так свирепо ударил на них, без предупреждения, что опрокинул как свиней, – колотя направо и налево, по старинному способу. Одним он мозжил головы, другим ломал руки и ноги, другим вывихивал шейные позвонки, некоторым сбивал нос, выбивал глаза, дробил челюсти, заставлял давиться зубами, ломал ноги, выворачивал лопатки, бедра, дробил локтевые кости.

Если кто хотел спрятаться в гуще виноградных лоз, тем перебивал крестец и ломал поясицы как собакам. Если кто хотел спастись бегством, тому разбивал голову в куски, ударяя сзади по «ламбдовидному»⁸⁸ шву. Если кто лез на дерево, думая, что там он будет в безопасности, – того он сажал на свое древко как на кол. Если кто из его старых знакомых кричал ему: «Ах, друг мой, брат Жан, я сдаюсь», – он слышал в ответ: «Сколько хочешь, только вместе и всем чертям брешу сдать».

И приканчивал сразу. А если кто-нибудь, охваченный дерзкой смелостью, хотел оказать ему сопротивление лицом к лицу, тому он показывал силу своих мышц, пронзая грудь сквозь грудную преграду и сердце, одних ударял под ребра, выворачивая желудок, и те умирали тут же.

Одни кричали: «Святая Варвара, помоги!» Другие – «Святой Георгий!» Третьи – «Святая Ни Туш!»⁸⁹ Одни умирали ничего не говоря, другие говорили не умирая; одни говорили умирая; другие умирали говоря. Были и такие, кто кричали во весь голос: «Confiteor, Miserere, In manus!»⁹⁰ Так громки ли крики раненых, что настоятель аббатства и все монахи выбежали, увидав этих несчастных, поверженных в винограднике и раненых на смерть, исповедали некоторых. Но пока священники исповедывали, молодые послушники прибежали к месту, где был брат Жан, и стали спрашивать, в чем он хочет, чтобы ему помогли.

На это он ответил, что нужно дорезать тех, что валяются на земле. Тогда послушники, развесив рясы на изгороди, стали дорезывать и приканчивать тех, кого он уже смертельно ранил. И знаете, каким орудием? Прекрасными резаками, величиной в половину тех ножей, какими дети в нашей стороне снимают шелуху с зеленых орехов.

Потом брат Жан встал со своим древком у пролома в стене, что пробил неприятель. Некоторые из монашеских унесли значки и знамена в свои кельи, чтобы наделать из них подвязок. Но когда те, кто исповедался, хотели уйти через брешь в стене, то брат Жан избивал их, приговаривая: «Те, что отысповедывались и раскаялись и получили отпущение грехов, – пойдут в рай по прямой, как серп, дороге».

Так, благодаря его удали, были уничтожены все те из неприятельской армии, кто вошел в сад, до 13 622 человек (не считая женщин и детей, что всегда подразумевается). Отшельник Можис⁹¹ – и тот не действовал так доблестно своей клюкой против сарацинов (про что

⁸⁸ Шов затылочной кости, в форме греческой буквы Л (ламбда).

⁸⁹ Не тронь этого.

⁹⁰ Форма молитвы на исповеди: «Исповедую. Милости жду. В руки твои».

⁹¹ Жил во время крестовых походов.

написано в «Деяниях четырех сыновей Эмона»), как наш монах против неприятеля своим древком от креста.

ГЛАВЫ XXVIII, XXIX и XXX

В этих главах повествуется о взятии приступом войсками Пикрошоля замка Ла-Рош-Клермо и о том, с какою горечью и тяжестью на душе принял известие об этом Грангузье, гревшийся у камина и рассказывавший мне и родным про доброе старое время. Он написал письмо к Гаргантюа в Париж, призывая его возвратиться и быть готовым на подвиги, которые должно совершить с наименьшим кровопролитием. В то же время Грангузье отправил начальника местной своей канцелярии Ульриха Галле послом в лагерь Пикрошоля, в Ла-Рош-Клермо. Там его не впустили в ворота замка, но Пикрошоль сам вышел на крепостной вал.

– Что нового? Что вы хотите сказать? – спросил он. И посол начал нижеследующую речь.

ГЛАВА XXXI. Речь, с которою Галле обратился к Пикрошолю

– Более справедливой причины для огорчения не может возникнуть между людьми, чем когда оттуда, откуда они по праву ожидают благожелательности и милости, получают досаду и обиду. И не без причины (хотя без разумного основания) многие в таких случаях считали подобную гнусность менее переносимой, чем собственная жизнь, и в случае, если ни силою, ни умением не могли исправить случившееся, – то сами лишали себя жизни.

«Поэтому неудивительно, если король Грангузье, мой господин, от твоего яростного и враждебного наступления пришел в великое неудовольствие и ум его смутился. Удивительно было бы, если бы его не взволновали те неслыханные насилия, которые в его землях и над его подданными совершены тобою и твоими людьми, – насилия беспримерные по своему бесчеловечию. Это столь ему тяжело потому, что любит он своих поданных сердечной любовью, какой еще ни один смертный не любил.

«Тем не менее, в рассуждении человеческого, еще более тяжело ему то обстоятельство, что подобные тяготы и несправедливости совершены тобой и твоими; ибо ты и предки твои с незапамятных времен водили дружбу с ним и предками его, и дружбу эту, как святыню, вы до сего времени нерушимо поддерживали и хранили; так что не только он и его народ, но и варварские народы – пуатвинцы, бретонцы и мансонцы, и те, что обитают за Канарскими островами и островом Изабеллы, считали столь же легким сокрушить твердь небесную и воздвигнуть бездны преисподней над тучами небесными, как и разрушить ваш союз; и так страшен был он для козней их, что никогда не смели они бросать вызов, раздражать или вредить одному из вас – из боязни другого!

«Более того. Эта священная дружба настолько наполняла собою всю поднебесную, что мало найдется живущих как на континенте, так и на океанских островах, кто бы честолюбиво не стремился быть принятым в этот союз, на условиях, вами самими продиктованных, союз этот как собственные земли и владения. На памяти человеческой не было властелина или союза, столь дикого или высокомерного, который посмел бы сделать набег – не говорю: на ваши земли – нет, но все же на земли ваших союзников. И если, следуя поспешным советчикам, какой-либо правитель пытался ввести какие-нибудь новшества, – то, услышав имя и титул вашего союзника, сейчас же отказывался от своих намерений. Какая же ярость подвигла тебя, разрушив всякий союз, поправ всякую дружбу, нарушив всякое право, враждебно вторгнуться в земли, – не будучи ни в чем ни им, ни кем-либо из его подданных обиженным, раздраженным или на это вызванным? Где верность? Где закон? Где разум? Где человечность? Где страх господень? Не мыслишь ли ты скрыть эти обиды от вечных духов бога всевышнего, который справедливо воздает по делам нашим? Если ты мыслишь так, то ошибаешься, но все дойдет до суда его.

«Или это предназначено роком, или же это влияние звезд, что хотят положить конец твоему благополучию и покою? Конечно, все на свете имеет свой конец и обращение и, дойдя до высшей точки, рушится вниз, ибо долго пребывать в таком положении не может. Таков бывает конец тех, кто не умеет с разумной умеренностью пользоваться своим счастьем и благополучием.

«Но если так тебе было предопределено, и если ныне твоему покою и счастью должен прийти конец, то нужно ли было, чтобы это произошло чрез вред и обиду королю моему, – тому, кто поставил тебя? Если дом твой должен пасть, – то нужно ли, чтобы он в своем крушении упал на очаги того, кто украсил его? Такая вещь настолько переходит границы разума, столь отвратительна здравому смыслу, что едва может быть понята человеческим разумением, и до тех пор будет оставаться невероятной для посторонних, пока удостоверенный и засвидетельствованный результат не даст им понять, что нет ничего святого и священного для тех, кто отступил от бога и разума, чтобы следовать своим извращенным прихотям. Если бы нами был причинен твоим подданным или твоим владениям какой урон, если бы мы оказывали милость твоим зложелателям, если бы не помогали тебе самому, если бы нами было оскорблено имя твое и честь, или, лучше сказать, если бы злой дух-клеветник, пытаясь подвинуть тебя на зло, внушил тебе мысль (при помощи лживых призраков и обманчивых видений, намеков и нашептываний), что с нашей стороны по отношению к тебе было совершено что-нибудь недостойное нашей давнишней дружбы, то ты должен бы был сперва разузнать правду, а потом попробовать нас усовестить, и мы бы настолько удовлетворили тебя, что ты должен бы был остаться довольным. Но, боже вечный, что же ты предпринял? Не хотел ли ты, как вероломный тиран, разграбить и разорить королевство моего господина? Разве ты убедился, что он настолько низок и глуп, что не захочет, – или настолько беден людьми, казной, советом и военным искусством, – что не сможет сопротивляться несправедливому твоему нашествию?

«Уходи отсюда сейчас же и завтра же возвращайся навсегда в свои земли, не чиня на пути ни бесчинств ни насилий, и заплати за убытки, причиненные тобою в этих землях, тысячу безантов⁹². Половину ты доставишь завтра, половину – к ближайшим майским идам⁹³, оставив нам заложниками герцогов де-Турнемуль, де-Бадефесс и де-Менюайль, а также принца де-Гратель и виконта де-Морпийаль».

ГЛАВА XXXII. Как Грангузье, желая купить мир, велел вернуть лепешки

С этими словами добрый Галле умолк. Но Пикрошоль на всю его речь ответил только следующее:

– Придите и возьмите, придите и возьмите! У наших все в порядке. Они вам наделают лепешек.

Тогда Галле вернулся к Грангузье и застал его в уголке кабинета – на коленях, с непокрытой головой молящимся богу о смягчении гнева Тикрошоля и о его вразумлении, дабы не пришлось прибегнуть к силе, видев возвратившегося Галле, Грангузье спросил его:

– О друг мой, друг мой, какие вести принесли вы мне?

– Никакого толку, – сказал Галле, – этот человек совсем рехнулся, и бог его покинул.

– Однако, друг мой, – спросил Грангузье, – какие приводит он причины своего буйства?

– Никакой причины он мне не объяснил, – сказал только сердито что-то о лепешках. Не знаю, не было ли какой обиды его пекарям.

---

⁹² Безант – золотая монета, около 20 франков.

⁹³ Иды – 15-е число месяца по римскому счислению.

– Я хочу, – сказал Грангузье, – хорошенько разобраться это, раньше чем решать, что следует делать.

Грангузье поручил расследовать это дело и удостоверился, что его поди отняли силой несколько лепешек, и что Маркэ получил удар дубиной по голове; но при этом за все было хорошо заплачено, а названный Маркэ сам первый поранил своим бичом ноги Форжье. Весь королевский совет высказался за то, что необходимо обороняться.

Но, несмотря на это, Грангузье сказал:

– Раз вопрос только о нескольких лепешках, я попытаюсь удовлетворить Пикрошоля, так как мне очень неприятно затевать войну.

Тогда он справился, сколько было взято лепешек, и, услышав, что четыре или пять дюжин, велел за ночь приготовить пять возов лепешек, при чем на одном должны были положить лепешки, приготовленные на лучшем масле, на самых свежих желтках, на прекрасном шафране и других пряностях, – для передачи Маркэ. Кроме того он дарил Маркэ 100 003 золотых филиппа для уплаты цырюльникам, которые его лечили, и отдавал ему и его потомству в вечное владение мызу Ла Помардьер.

Чтобы свезти и доставить все это, был послан Галле, который велел по дороге нарвать около Сольсэ побольше камыша и тростника и убрать ими все возы и дать в руки каждому вознице; он сам взял пучок в руки, желая этим дать понять, что они хотят только мира и пришли его получить.

Подъехав к воротам, он просил аудиенции у Пикрошоля от имени Грангузье, но тот не захотел ни впустить их, ни сам выйти и говорить: ним, а велел им передать, что ему некогда, и чтобы они сказали, чего они хотят, капитану Тукдильону, который на стенах устанавливал какое-то орудие. Галле сказал последнему:

– Господин, чтобы избавить вас от всяких споров и лишить вас оправдания в том, что вы не хотите восстановить прежний союз, – мы возвращаем вам лепешки, предмет раздора. Наши взяли пять дюжин и хорошо за них заплатили; мы же так миролюбивы, что возвращаем вам пять возов, из которых вот этот для Маркэ, наиболее пострадавшего. Сверх того, для полного его удовлетворения, вот эти 700 003 филиппа, которые я ему вручаю, а в возмещение убытков, которые он может требовать, я передаю ему в вечное и потомственное владение мызу Ла-Помардьер; вот грамота на передачу. Ради бога, будем отныне жить в мире: весело возвращайтесь домой, оставьте это Место, на которое, как вы сами сознаете, вы не имеете никакого права; будем друзьями, как и прежде.

Тукдильон пересказал все это Пикрошолю и, подзадоривая его храбрость, сказал:

– Эти мужики очень испугались. Ей-богу, Грангузье, этот несчастный пьяница, обмарался со страха. Его дело не воевать, а опустошать бутылки. Я того мнения, что надо задержать лепешки и деньги, потом спешно укрепиться здесь и воспользоваться счастливым случаем. Неужели они думают, что имеют дело с дураком, и надеются умаслить вас лепешками? Вот что: ваше хорошее обращение и большая фамильярность, которую вы допускали, сделали вас в их глазах достойным пренебрежения: приласкайте мужика, он вас уколёт; уколите его – он станет ласкаться.

– Так, так, так, – сказал Пикрошоль. – Они свое получают! Делайте, как сказали!

– Только об одном могу вас предупредить. Мы здесь плохо снабжены провиантом и съестными припасами. И если Грангузье нас осадит, то я сейчас же вырву себе зубы, оставив штуки три; то же пускай сделают все другие, а то чересчур скоро съедем всю провизию.

– У нас, – сказал Пикрошоль, – съестного слишком достаточно. Что мы здесь есть будем или воевать?

– Конечно, воевать, – отвечал Тукдильон, – но с пустым брюхом не запляшешь, а где царит голод, там сила в изгнании.

– Ну, довольно болтать, – сказал Пикрошоль, – забирайте, что они привезли.

Тогда они захватили деньги, лепешки, волов и телеги, а проводников отослали домой без всякого ответа, только сказали, чтобы они не подходили близко, а почему – скажут им завтра. Так, ничего не сделав, вернулись те к Грангузье и рассказали ему все, прибавив, что

никакой надежды принудить их к миру, кроме как войной.

ГЛАВА XXXIII. Как иные из губернаторов Пикрошоля поспешными советами поставили его в крайне опасное положение

Когда лепешки были захвачены, перед Пикрошолем предстали герцог дю-Менюайль, граф Спадассен и капитан Мердайль и сказали ему:

– Государь, сегодня мы сделаем вас счастливейшим и победоноснейшим из всех государей, живших после Александра Македонского.

– Наденьте, наденьте шляпы, – сказал Пикрошоль.

– Благодарим, государь, – сказали они. – Мы знаем свой долг. Вот средство для этого: вы оставьте здесь какого-нибудь капитана с небольшим отрядом людей командовать гарнизоном и охранять место, которое на наш взгляд достаточно защищено как самой природой, так и укреплениями, возведенными по вашему плану. Вашу армию вы разделите на две части, как вам покажется лучше. Одна обрушится на этого Грангузье и его людей. С ними вы легко покончите с первого же натиска. Там вы, понятно, заберете денег кучи, потому что у этого мужика их достаточно, – у мужика, говорим мы, потому что у благородного принца никогда нет ни одного су. Копить – дело подлых людей. Одновременно с этим другая часть ар мии должна направиться к Они, Сентонжу, Ангмуа и Гаскони, Перигору, Медоку и к Ландам. Крепости, города, замки они заберут без сопротивления. В Байонне, в Сен Жан-де-Люк и Фонтараби вы захватите все корабли и, крейсируя у берегов Галисии и Португалии, разграбите все прибрежные страны, до Лиссабона, где найдете подкрепление во всем, потребном завоевателю. О господи! Испания сдастся, ведь это все мужичье. Дальше вы пройдете Сибиллиным проливом⁹⁴, там воздвигнете два столпа, великолепнее, чем Геркулесовы, на вечную память о вашем имени, и пролив получит имя Пикрошолева моря. Проходите Пикрошолево море, и Барбаросса становится вашим рабом...

– Я, – сказал Пикрошоль, – его помилую.

– Хорошо, – сказали они, – пусть так, лишь бы он принял крещение. Вы завоеуете королевства: Тунис, Гипп, Алжир, Бону, Кирену, всю Барбарию. Идя дальше, вы захватите в свои руки Майорку, Минорку, Сардинию, Корсику и другие острова Лигурийского и Балеарского морей. Обогнув левый берег, вы завладеете Галлией Нарбоннской, Провансом, землей Аллоброгов, Генуей, Флоренцией, Луккой, и – прощай Рим! Бедный господин папа! Он со страху уже умирает!

– Ей-богу, – сказал Пикрошоль, – я не стану целовать его туфли.

– По взятии Италии – Неаполь, Калабрия, Апулия, Сицилия, а также и Мальта в ваших руках. Желал бы я, чтобы любезные эти рыцари, некогда родосские, оказали вам сопротивление, – посмотрел бы, как они обмочатся.

– Охотно, – говорит Пикрошоль, – отправился бы я в Лоретто.

– Нет, нет, – говорят они, – это будет на возвратном пути. Оттуда мы возьмем Кандию, Кипр, Родос и Цикладские острова и пойдем на Морею. Она – наша. Святитель Треньян!⁹⁵ Храни боже Иерусалим, потому что могуществу султана далеко до вашего!

– О, я, – говорит Пикрошоль, – велю построить храм Соломона.

– Нет, – говорят они, – погодите еще немного; не будьте никогда столь быстры в ваших предприятиях. Знаете, что говорил Октавиан Август? «Спешите, не торопясь». Раньше вам надо получить Малую Азию, Карию, Ликию, Памфилию, Киликию, Лидию, Фригию,

---

⁹⁴ Гибралтар.

⁹⁵ Такого святого христиане не знают. Есть святой Эньян.

Вифинию, Мизию, Харазию, Саталию, Самагерию, Кастамену, Лугу, Савасту⁹⁶, – вплоть до Евфрата.

– А увидим мы, – говорит Пикрошоль, – Вавилон и гору Синай?

– Пока, – говорят они, – в этом нет надобности. Разве мало хлопот переплыть Гирканское море, проскакать по трем Армениям и по трем Аравиям?

– Ну, ей-богу, – говорит Пикрошоль, – мы сошли с ума! О бедняжки!

– В чем дело? – говорят они.

– А что мы будем пить в этих пустынях? Юлиан Август⁹⁷ со всем своим войском, говорят, погиб там от жажды.

– Мы, – говорят они, – уже обо всем распорядились. Вы имеете 9014 больших судов с грузом лучших в мире вин на Сирийском море: они прибыли в Яффу. Там нашлось 2 200 000 верблюдов и 1 600 слонов, которых вы захватили на охоте в окрестности Сигельма, когда вступили в Ливию, и сверх того у вас в руках весь караван, направляющийся в Мекку. Разве они не снабжены вином в достаточном количестве?

– Пожалуй, – говорит он, – но мы не выпьем свежего вина.

– Честью клянемся, – говорят они, – черт возьми, герой, победитель, претендент на мировой престол не всегда может удовлетворить все прихоти! Возблагодарим господа, что вы вместе с вашими людьми добрались целыми и невредимыми до реки Тигра.

– Ну, – говорит Пикрошоль, – а что делает тем временем та часть нашей армии, которая разбила этого негодного пьяницу Грангузье?

– О, они не гуляют, – отвечают те, – мы скоро с ними встретимся. Они завоевали для вас Бретань, Нормандию, Фландрию, Гэно, Брабант, Артуа, Голландию, Зеландию. Они перешли Рейн по трупам швейцарцев и ландскнехтов, а часть их покорила Люксембург, Лотарингию, Шампань и Савойю до Лиона; тут они нашли ваши гарнизоны, возвратившиеся после морских побед, и соединились в Богемии, разорив Швабию, Вюртемберг, Баварию, Австрию, Моравию и Штирию. Затем они вместе сильно ударили на Любек, Норвегию, Швецию, Данию, Готланд, Гренландию, Исландию – до Ледовитого океана. После этого завоевали Оркадские острова и подчинили Шотландию, Англию и Ирландию. Проплыв оттуда по Песчаному морю⁹⁸ и мимо сарматов, они победили и покорили Пруссию, Польшу, Литву, Россию, Валахию, Трансильванию, Венгрию, Болгарию, Турцию, и находятся в Константинополе.

– Поедем же к ним поскорее, – сказал Пикрошоль, – я очень хочу быть также императором трапезундским. Разве мы не перебьем всех этих собак – турок и магометан?

– А какого же черта! – сказали они. – Что нам еще делать? И вы раздадите их земли и имения тому, кто вам честно будет служить.

– Сам разум того требует; это только справедливо, – сказал он. – Вам я даю Карманию, Сирию и всю Палестину!

– А, это очень милостиво с вашей стороны. Весьма благодарны вам, государь, – сказали они. – Да даст вам господь вечное благополучие!

Тут присутствовал один старый дворянин, человек испытанный в различных приключениях, подлинный воин, по имени Эхефрон; слыша такие речи, он сказал:

– Я очень боюсь, что все это ваше предприятие похоже на известный фарс про горшок с молоком, благодаря которому один башмачник мечтал разбогатеть, а горшок разбился, и ему нечем было пообедать. Чего вы добьетесь путем таких славных побед? Каков будет конец стольких трудов и злоключений?

⁹⁶ Часть географических названий выдумана Раблэ, часть – древние государства Малой Азии.

⁹⁷ Римский император Юлиан-Отступник (умер в 363 г.).

⁹⁸ Вероятно, Балтийское, которое называлось так благодаря песчаным отмелям.

– Конец будет таков, что, возвратившись, мы отдохнем в свое удовольствие, – сказал Пикрошоль.

– Ну, а в том случае, – спросил Эхефрон, – если вы никогда не возвратитесь? Ведь путешествие и долгое и опасное. Не лучше ли было бы отдохнуть теперь, не подвергаясь случайностям?

– О, – сказал Спадассен, – ей-богу, вот мечтатель! Ну что ж, забьемся в угол у камина и будем вместе с дамами коротать свой век за нанизыванием жемчуга или за прялкой, как Сарданапал. «Избегаяй рати ни коня ни осла не имать», – сказал еще Соломон.

– «А кто слишком, – сказал Эхефрон, – станет рисковать, и осла и коня может потерять», – ответил Малькон.

– Ну, довольно, – сказал Пикрошоль, – идем дальше. Боюсь я только этих чертовских легионов Грангузье. Что, если – пока мы будем в Месопотамии – они пойдут на нас с тылу? Какое средство против этого?

– Очень хорошее, – сказал Мердайль. – Маленький приказ, который вы пошлете москвитам, в один миг доставит на поле брани четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов. О, если бы меня сделали вашим наместником, я бы наколотил вам их! Затопчу, загрызу, захвачу, разнесу, – сокрушу!

– Ну, ну, – сказал Пикрошоль, – теперь поторопитесь. Кто меня любит, пусть следует за мной!

ГЛАВА XXXIV. Как Гаргантюа оставил Париж, чтобы поспешить на помощь родине, и как Гимнаст встретил неприятеля

В этот самый час Гаргантюа, на своей громадной кобыле выехавший из Парижа сразу по прочтении письма от отца, проехал уже мост Ноннэн; с ними были Понократ, Гимнаст и Эвдемон, которые, чтобы поспевать за ним, взяли почтовых лошадей. Остальной обоз, везущий его книги и философские приборы, шел обычной скоростью. Приехав в Парилье, Гаргантюа получил известие от арендатора Гугэ, что Пикрошоль укрепился в Ла-Рош-Клермо и послал капитана Трипе с большой армией атаковать леса Вед и Вогодри, и что посланные грабили все дворы вплоть до винодельни Бильяр и, чему было странно и трудно верить, творили насилия по всей стране. Гаргантюа был напуган этим и не знал, что говорить и что делать.

Но Понократ дал ему совет: отправиться к господину де-Вогийону, который был их другом и союзником с давнего времени, и у него получить осведомиться обо всех делах. Так немедленно они и сделали и нашли его в полной готовности помочь им. Он был того мнения, что хорошо бы послать кого-нибудь из своих людей разведать о положении в стране и состоянии неприятеля, и потом действовать согласно плану, соответствующему моменту. Гимнаст вызвался идти; но было решено, чтобы для лучшего успеха он взял с собой кого-нибудь, кто знал бы все дорожки и тропинки и реки в окрестностях. Поэтому он отправился с Преленганом, конюшим Вогийона, и они бесстрашно обследовали местность во всех направлениях. Гаргантюа тем временем отдохнул и подкрепил силы со своими людьми, велел дать меру овса его кобыле; это было семьдесят четыре мюйда⁹⁹ и три четверика.

Гимнаст, едучи со своим товарищем, встретил врагов, рассыпавшихся в беспорядке, грабивших и воруящих все, что могли. Заметив их издали, разбойники сбежались толпою, чтобы их почистить. Тогда Гимнаст закричал им:

– Господа, я – бедный дьявол, я прошу вас помиловать меня. У меня еще есть несколько экю; мы на них выпьем: это, как говорится, *aurum potabile*¹⁰⁰; а лошадь мою

⁹⁹ Мюйд – мера сыпучих и жидких тел – около 18 гектолитров.

¹⁰⁰ Золото, которое можно пить.

продадим, чтобы оплатить мое счастливое прибытие; после этого считайте меня своим, потому что нет человека, который сумеет изловить, нашпиговать, изжарить, приготовить и, ей-богу, разрезать и приправить курочку, как я. За мой proficiat¹⁰¹, пью за всех добрых товарищей!

Тут Гимнаст открыл свою железную бутылку и, запрокинув голову, изрядно выпил. Бездельники смотрели на него, разинув рот на целый фут и высунув язык, как борзые собаки, в ожидании выпить после него, но в эту минуту подбежал капитан Трипе – посмотреть, что здесь делается.

Гимнаст предложил ему свою бутылку, говоря:

– Нате, капитан, пейте смело; я уж попробовал: это вино из Ла-Фэ-Монжо.

– Как, – сказал Трипе, – этот мужлан потешается над нами! Кто ты такой?

– Я, – сказал Гимнаст, – просто бедный дьявол.

– А, – сказал Трипе, – раз ты бедный дьявол, то можно тебя пропустить, потому что всякий черт проходит повсюду безданно, беспошлинно; но необычно, чтобы бедные черти ездили на таких добрых конях. Поэтому, господин дьявол, сойдите с коня, а я на него сяду; а если он меня плохо повезет, – то, господин дьявол, меня повезете вы, я очень люблю, чтобы черт меня нес!

ГЛАВА XXXV. Как Гимнаст ловко убил капитана Трипе и других людей Пикрошоля

Услышав эти слова, некоторые из них испугались и стали креститься обеими руками, думая, что перед ними переряженный дьявол. Один них, по имени Добрый Жоан, начальник деревенской милиции, вытащил из своего гульфика молитвенник и громко закричал:

– Если ты от бога, говори! Если ты от другого¹⁰², уходи!

Но тот не уходил; многие из солдат услышали это и отошли от компании; Гимнаст замечал все это и соображал. Он сделал вид, что слезает с коня, и, свесившись с левой стороны лошади, ловко перевернулся в стремени, с большой своей шпагой на боку, и, проскочив под лошадь, тотчас взметнулся в воздух и вскочил обеими ногами на седло, стоя задом к голове лошади, и сказал: «Плохи мои дела!» Затем на том же месте подскочил на одной ноге и, сделав оборот налево, возвратился в прежнее положение.

Тогда Трипе сказал:

– Гм, сейчас я этого не буду делать, на что есть причина.

– Скверно! – сказал Гимнаст, – я ошибся; сейчас прыгну по-другому.

И вот с большой силой и ловкостью он сделал прыжок как прежде, но только с оборотом направо. Затем просунул большой палец правой руки под луку седла, всем корпусом поднялся на воздух, поддерживая тело исключительно одними мускулами и нервами названного большого пальца, и в таком положении перевернулся три раза. На четвертый, опрокинувшись всем телом и ни до чего не касаясь, поднялся между ушей лошади, поддерживая тело на воздухе большим пальцем левой руки, и в этом положении сделал круг, а затем, хлопнув ладонью правой руки по середине седла, перекинулся на круп коня, сев по-дамски.

Сделав это, он с той же легкостью перевел правую ногу поверх седла и оказался в положении наездника на крупе. Тут он сказал: «Лучше будет поместиться между луками». И, упершись в круп лошади большими пальцами обеих рук, перекувырнулся в воздухе и очутился в правильном положении уже между луками; затем прыжком подбросил себя в воздухе и так держался на седле, сдвинув ноги; в таком положении перевернулся еще раз сто,

¹⁰¹ Латинское слово: «Да будет благоприятно». Формула тоста (у ученых).

¹⁰² Т.-е. дьявола.

со скрещенными на груди руками, крича громким голосом:

– Я беснуюсь, дьяволы, беснуюсь, черти, беснуюсь! Держите меня, дьяволы, держите!

Пока он так вольтижировал, ротозеи в великом изумлении говорили друг другу:

– О, мать божия, это оборотень или черт переряженный. «Ab hoste maligno libura nos, Domine!»¹⁰³

И пустились бежать, оглядываясь как собака, укравшая дичь. Тогда Гимнаст, видя выгодность своего положения, сходит с коня, обнажает шпагу и начинает поражать ударами самых важных. Он навалил их целые кучи, раненых, убитых, избитых, и никто не оказывал ему сопротивления, полагая, что это голодный дьявол, как из-за его замечательной вольтижировки, так и на основании тех речей, которые вел с ним Трипе, называя его бедным чертом. Правда, Трипе предательски хотел ему раскроить череп своею ландскнехтской шпагою, но он был хорошо защищен доспехами и почувствовал лишь тяжесть удара; быстро обернувшись, он бросился на Трипе, на лету нанес ему удар острием шпаги и, в то время как тот прикрывался сверху, одним ударом распорол ему желудок, ободочную кишку и полпечени, отчего Трипе упал на землю и, падая, испустил из себя более четырех горшков супу, а вместе с супом и дух.

После этого Гимнаст ретировался, полагая, что никогда не следует гнаться за счастьем до его поворота, и что каждому рыцарю к своей Удаче следует относиться почтительно, не принуждая и не насилуя ее.

Вскочив на коня, он вонзил ему шпоры и поскакал прямой дорогой на Вогийон, и Преленган вместе с ним.

ГЛАВА XXXVI. Как Гаргантюа разрушил замок де-Вед, и как они перешли брод

Приехав, Гимнаст рассказал, в каком положении застал неприятеля, и о военной хитрости, которую он употребил один против всей их оравы, утверждая, что это бездельники, грабители, разбойники, полные невежды в военном деле, и что Гаргантюа с его спутником смело можно пуститься в путь, потому что им будет очень легко перебить их как скотов.

Тогда Гаргантюа сел на свою громадную кобылу, в сопровождении своих спутников, как мы выше сказали. По дороге, встретив высокое и большое дерево (которое в народе называли «деревом святого Мартина», потому что оно выросло из посоха, посаженного там когда-то святым Мартином) Гаргантюа сказал:

– Вот что мне было нужно. Это дерево будет мне служить и посохом и копьем.

Он легко вытащил дерево из земли, оборвал ветки и обработал по-своему усмотрению. В это время кобыла его стала мочиться, чтобы облегчить живот, сделав это так обильно, что на семь миль затопила окрестность, и вся моча стекла к броду де-Вед и так подняла уровень воды, что вся толпа неприятелей в великом ужасе потонула, кроме некоторых, взявших дорогу к холмам налево.

Когда Гаргантюа прибыл в лес Вед, Эвдемон ему сообщил, что остатки неприятеля засели в замке. Чтобы проверить это, Гаргантюа закричал во всю мочь:

– Там вы или не там? Если вы там, то не будьте больше там; если не там, то мне нечего говорить.

Один негодяй-пушкарь, стоявший у бойницы, выстрелил в него из пушки и попал ему в правый висок, но удар причинил ему боли не больше, чем если бы в него бросили косточкой от сливы.

– Что такое? – сказал Гаргантюа. – Вы бросаете в нас виноградом?! Дорого же вам обойдется сбор! I

---

¹⁰³ «От лукавого врага избави нас, господи!»

Он в самом деле думал, что ядро – это виноградина. Те, что были в замке заняты грабежом, услышав шум, побежали к башням и бастиона и выпустили в него больше 9 025 зарядов из бомбард и пищалей, целясь все в голову, и пальба была такая частая, что Гаргантюа закричал:

– Понократ, друг мой, эти мухи слепят мне глаза. Дайте мне какую-нибудь ветку с этих ив, чтобы отмахиваться от них.

Он думал про свинцовые пули и артиллерийские камни, что это слепни. Понократ убедил его, что это не слепни, а артиллерийские выстрелы, и что стреляют из замка.

Тогда Гаргантюа стал колотить своим громадным деревом по замку и – удар за ударом – снес и башни и бастионы и все обрушил на землю. Благодаря этому все находившиеся в замке были разбиты в куски.

Отправившись оттуда, они прибыли к мосту у мельницы и нашли весь брод покрытым трупами так густо, что мельничный проток был запружен; это были те, что погибли от мочевого кобыльего потопа.

Они были в раздумье, как им перейти, в виду нагромождения трупов. Но Гимнаст сказал:

– Если черти здесь переходили, то и я отлично перейду.

– Дьяволы-то, – сказал Эвдемон, – переходили, чтобы унести души осужденных.

– О, святой Треньян, – сказал Понократ, – из этого неизбежно следует, что и он переберется.

– Разумеется, да, – отвечал Гимнаст, – или застряну на дороге.

Пришпорив коня, он свободно переехал на другую сторону, и лошадь ничуть не испугалась мертвых, потому что он ее приучил, согласно учению Элиана, не бояться ни душ ни тел мертвых, не убивая людей, как Диомед, убивавший фракийцев, и Улисс, клавший тела убитых врагов под ноги коню, – как рассказывает Гомер, – а просто, кладя перед нею в сено чучело, заставлял ее переходить через него, когда давал ей овес.

Трое других благополучно проследовали за ним, за исключением Эвдемона, лошадь которого увязла правой ногою до колена в брюхе жирного и толстого негодяя, потонувшего навзничь, и никак не могла вытащить ее оттуда, оставаясь увязшей, пока Гаргантюа концом своей клюки не погрузил остатков требухи этого подлеца в воду, и тогда лошадь подняла ногу и (поразительная вещь в гиппиатрии¹⁰⁴) вылечилась от опухоли на этой ноге от прикосновения к потрохам толстого плута.

ГЛАВА XXXVII. Как Гаргантюа вычесывал пушечные ядра из волос

Проехав по берегу Вед, они немного спустя добрались до замка Грангузье, который дожидался их с большим нетерпением. По прибытии они угощались вовсю; никогда мир не видал более веселых людей, потому что «*Supplementum supplementi chronicorum*»¹⁰⁵ говорит, что Гаргамель от радости умерла. Сам я ничего об этом не знаю, и мне мало заботы как о ней, так и о всякой другой.

Правда, однако, в том, что, переодеваясь и причесываясь своим гребнем величиною в сто канн¹⁰⁶, усыпанным зубьями из цельных слоновых клыков, Гаргантюа стал при каждом зачесе вытряхивать больше семи снарядов, застрявших в волосах во время уничтожения леса Вед.

Отец его Грангузье, заметив это, подумал, что это вши, и сказал ему:

¹⁰⁴ Гиппиатрия – наука о лечении лошадей.

¹⁰⁵ «Дополнение к дополнению к хроникам».

¹⁰⁶ Канна – мера длины, равная нашей сажени.

– Милый сын мой, неужели ты занес к нам ястребов из Монтэгю¹⁰⁷. А я и не подозревал, что ты там жил.

Тогда Понократ возразил:

– Господин, не думайте, что я поместил его во вшивый коллеж, называемый Монтэгю. Я предпочел бы поместить его среди нищих святого Иннокентия, из-за ужасной жестокости и мерзости, которые я там узнал: с каторжанами у мавров и татар, с убийцами в уголовных тюрьмах и уж конечно с собаками в вашем доме обращаются гораздо лучше, чем с несчастными в этом коллеже. И будь я в Париже королем, черт меня побери, если бы я не поджег того дома и не сжег с ним вместе и принцепала и надзирателей, которые допускают такую бесчеловечную жестокость у себя на глазах!

Подняв один из снарядов, он сказал:

– Это пушечные ядра, которые получил сын ваш Гаргантюа при проходе через лес Вед, благодаря предательству ваших врагов. Но и они получили за это вознаграждение, и все погибли под развалинами замка, как филистимляне от хитрости Самсона и как те, которых раздавила башня Силоамская, о чем написано в евангелии (от Луки, XIII). Я того мнения, что надо за ними идти в погоню, пока счастье за нас.

– Правда, – говорит Грангузье, – но не сейчас. Я хочу этот вечер попраздновать, и добро пожаловать!

При этих словах подали ужинать, – и сверх всего были зажарены 16 быков, 3 телки, 32 теленка, 63 молочных козленка, 95 баранов, 300 молочных поросят под чудесным соусом, 220 куропаток, 700 бекасов, 400 каплунов людянуасской и корнваллийской породы и 1 700 жирных экземпляров других пород, 6 000 цыплят и столько же голубей, 600 рябчиков, 1 400 зайцев, 303 штуки дроф и 1 700 каплунов.

Дичи не могли достать сразу в таком количестве; было 11 кабанов, присланных аббатом из Тюрпенэ, 18 штук красного зверя – подарок г-на де-Гранмона; затем 140 фазанов – от сеньора Дезессара; несколько дюжин диких голубей, речной птицы, чирков, выпи, кроншнепов, ржанок, лесных куропаток, казарок, морских уток, чибисов, диких гусей больших и карликовых, а также хохлатых цапель, аистов, стрепетов и фламинго с красным оперением, красношеек, индюшек; в добавление было несколько сортов похлебок.

Кушаний было в изобилии, и они были приготовлены добросовестно Фрипесосом, Ошпо и Пильвержюсом¹⁰⁸.

Жано, Микель и Верренэ подали хорошо выпить.

ГЛАВА XXXVIII. Как Гаргантюа съел в салате шестерых паломников

Ход событий требует рассказать о том, что случилось с шестью паломниками, которые пришли из Сан-Себастьяна, близ Нанта, и, чтобы найти себе на эту ночь (из страха перед неприятелем) убежище, спрятались в саду, в горохе, между капустой и латуком. Гаргантюа почувствовал жажду и спросил, нельзя ли найти латука, чтобы сделать салат. Услышав, что латук здесь растет самый большой и самый лучший во всей стране, – величиною со сливовое или ореховое дерево, – он пожелал нарвать его сам и принес в руках, сколько захотелось; и вместе с латуком – шестерых паломников, которые так испугались, что не решались ни кашлянуть, ни вымолвить слова.

Пока салат промывался в источнике, паломники шептались друг с другом:

– Что нам делать? Мы тут потонем, в этом латуке. Не заговорить ли нам? Но если заговорить, он нас убьет как шпионов!

¹⁰⁷ Коллеж Монтэгю, где воспитывалось до двухсот учеников, славился ужасными условиями, в которые они были поставлены.

¹⁰⁸ «Frippe-sauce» соответствует нашему «Блюдолиз»; Noche-pot – сорт рагу; Pilleverjus – «Жги вино».

Пока они так рассуждали, Гаргантюа положил их вместе с латуком в салатник, размерами в систойскую бочку, и вместе с маслом, уксусом и солью начал есть, чтобы подкрепиться перед ужином, и уже проглотил пятерых паломников. Шестой оставался в салатнике, спрятавшись под лист салата, из-под которого, однако, выглядывал его посох. Грангузье, увидев его, сказал:

– Я думаю, что это рожок улитки, не ешьте ее.

– Почему? – говорит Гаргантюа. – В этот месяц улитки бывают хороши.

И, потащив посох, с ним вместе поднял паломника и проглотил его. Потом отхлебнул ужасающий глоток белого вина и стал ждать, пока подадут ужин.

Проглоченные таким образом паломники, как могли, выбрались из-под жерновов его зубов и думали, что их посадили в заключение в подземелье. А когда Гаргантюа делал свой глоток, они уже испугались, что потонут у него во рту; винный поток почти унес их в пропасть его желудка; однако, прыгая с помощью посохов, как паломники св. Михаила, они выбрались на свободу, на края зубов. К несчастью, один из них, исследуя посохом местность, чтобы увериться в безопасности, грубо ударил в дупло одного пустого зуба, затронув челюстной нерв, чем причинил Гаргантюа очень сильную боль, и тот начал кричать от бешенства. Чтобы уменьшить боль, он приказал подать свою зубочистку и, побежав к ореховому дереву, выковырял господ паломников. Одного ухватил за ноги, другого за плечи, третьего за суму, четвертого за кошель, пятого за перевязь, а беднягу, который ушиб его посохом, зацепил за гульфик.

Это было для Гаргантюа великим счастьем, потому что тот проткнул ему гнойную опухоль, которая мучила его с того времени, как они прошли Ансени. Вытащенные паломники во всю прыть побежали через сад, а у Гаргантюа сразу прошла боль.

Тут Эвдемон позвал его ужинать, потому что все было готово.

– Я пойду, – сказал Гаргантюа, – отолюю свою боль.

И он помочился так обильно, что моча его перерезала паломникам дорогу, и они были вынуждены перебираться через большой поток.

Проходя оттуда по опушке рощи, все они (исключая Фурнилье) попались в западную, сделанную, чтобы ловить волков, из которой вырвались благодаря искусству Фурнилье, который разорвал все шнуры и все веревки. Выйдя оттуда, на остаток ночи они расположились в какой-то хижине около Кудрэ, и тут один из их товарищей, по имени Усталый Пешеход, утешал их добрыми словами в их несчастье, осведомив их, что это приключение было предсказано Давидом в псалме: – «Когда восстали люди на нас, – могло быть, что живыми проглотили бы нас», – это когда нас съели в салате с солью, – говорил он. – «И так как ярость их распалялась на нас, – может быть, вода поглотила бы нас», – это когда он делал свой большой глоток... «Быть может, душа наша переходит течение вод непреодолимое»... – это когда мы переходили через великую топь его мочи, которой он перерезал нам путь. «Благословен господь, не давший нас в добычу их зубам. Душа наша, как воробей, захвачена была охотничьим силком», – это когда мы попали в западную. «Западня была разрушена», – с помощью Фурнилье, – «и мы стали свободны. Помощь и защита наши», и т. д.

ГЛАВА XXXIX. Как чествовал монаха Гаргантюа и какие прекрасные речи говорил за ужином

Когда Гаргантюа сел за стол, и первые куски были проглочены, Грангузье начал рассказывать об источнике и причине войны, возникшей между ним и Пикрошолем; он подошел к тому месту рассказа, как брат Жан восторжествовал при защите садов аббатства, и восхвалял его подвиги превыше подвигов Камилла, Сципиона, Помпея, Цезаря и Фемистокла. Тогда Гаргантюа попросил немедленно послать за монахом, чтобы посоветоваться с ним о том, что теперь делать. По его желанию, дворецкий отправился за монахом и весело привел его с дровком от креста на муле Грангузье. Когда он прибыл, его

встретили тысячами ласк, тысячами объятий, тысячами приветствий... – Ага, брат Жан, друг мой! – Брат Жан, мой сватушка! – А, чорт возьми, брат Жан, давай обнимемся!

И брат Жан шутил и смеялся. Никогда не было такого вежливого и учтивого человека!

– Ну, ну, – говорил Гаргантюа, – скамейку тут поставьте, с этого края, рядом со мной.

– Я тоже так хочу, – говорит монах, – раз вам угодно. А ну-ка, паж, воды! Лей, дитя мое, лей! Вода освежит мне печень. Давай сюда, я прополощу себе горло.

– *Deposita cappa*¹⁰⁹, – сказал Гимнаст. – Снимем рясу.

– Ах, помилуй бог! – говорит монах. – Сударь, есть глава в статутах нашего ордена, которая не одобряет такой вещи.

– К дьяволу, – говорит Гимнаст, – к дьяволу эту главу! Ряса ваша давит вам плечи, скиньте ее.

– Друг мой, – говорит монах, – оставь ее на мне, в ней мне только лучше пьется: она веселит мне тело. Если я ее скину, господа пажи наделают из нее подвязок, как это со мной было раз в Кулэне. Кроме того, у меня пропадет аппетит. А если я в этом платье сяду за стол, то, ей-богу, выпью и за тебя и за твоего коня с радостью. Храни боже от зла честную компанию! Я уже поужинал, но оттого есть буду несколько не меньше: желудок мой вымощен, пуст, как башмак святого Бенедикта, и всегда открыт, как адвокатская мошна! Да, как говорится: у всякой рыбы, кроме линя... берите крылышко куропаточки, либо бедрышко монашенки¹¹⁰. Наш приор очень любит белое мясо каплунов.

– В этом, – сказал Гимнаст, – он вовсе не похож на лисиц! Те у каплунов, кур и цыплят никогда не едят белого мяса.

– Почему? – спросил монах.

– Потому что у них нет поваров, чтобы его варить, а если мясо не доварено, оно остается красным, а не белым. Краснота мяса есть признак того, что оно не доварено, исключая омаров и раков, которых, когда варят, производят в кардиналы.

– О, праздник божий! – сказал монах. – У лекаря нашего аббатства голова плохо сварена, – глаза у него красны как чашки из ольхи. А вот это заячье бедро хорошо для подагриков! А кстати, о ляжках, – почему это бедра у барышень всегда прохладны?

– Такой проблемы, – сказал Гаргантюа, – нет ни у Аристотеля, ни у Александра Афродизийского, ни у Плутарха.

– По трем причинам, – сказал монах, – какое-нибудь место бывает прохладно. *Primo* – потому что вода протекает вдоль. *Secundo* – потому что место это тенисто, темно и сумрачно, и солнце там никогда не светит; и в-третьих – потому что оно всегда освежается ветрами от колыхания рубашки и особенно от гульфика. Веселей, паж, наливай! Крак-крак-крак! Как добр господь, что дает такое доброе вино! А ей-богу, живи я во времена Иисуса Христа, я охранил бы его от того, чтобы евреи схватили его в Масличном саду. И черт меня возьми, если бы я не подрезал поджилок господам апостолам, которые так трусливо бежали после того, как хорошо поужинали, и доброго учителя своего оставили в нужде! Хуже яда ненавижу человека, который бежит, когда надо поиграть ножом.

«Ох! Побыть бы мне французским королем лет восемьдесят или сто! Ей-богу, я бы обрезал уши и оскотил беглецов из-под Павии. Лихорадка их побери! Почему они не умерли там скорее, чем бросить в нужде своего доброго государя? Не лучше ли и не почетнее ли умереть, доблестно сражаясь, чем жить, постыдно убежав? В нынешнем году! гусей нам уже не есть... Гей, дружок, положи-ка свинины! А, дьяволы! Сусла больше нет! *Germinavit radix Jesse*.¹¹¹ Отказываюсь жить, умираю от жажды... Это вино не из худших. А какое вино вы

¹⁰⁹ «Отложив плащ» (рясу).

¹¹⁰ Из народного стиха: «*De tous poissons, fors la tenche, prenez le dos, laissez penche*».

¹¹¹ «Корень Иессея дал ростки».

пили в Париже? Черт меня возьми, больше полгода я держал там свой дом открытым для всех желающих! А знакомы ли вы с братом Клавдием из Верхнего Барруа? Вот славный товарищ! Но какая муха его укусила? С некоторых пор (не знаю, с которых) он только и делает, что учится. А я вот совсем не учусь! Мы в нашем монастыре совсем не учимся из боязни заушницы. Покойный аббат наш говорил, что чудовищная это вещь – вид ученого монаха. Ей-богу, сударь, друг мой, *magis magnos clericos non sunt magis magnos sapientes...*¹¹² О, столько зайцев, как в нынешнем году, никогда не видели! Ни ястреба, ни сокола зато нигде не мог я достать. Г-н де-Беллоньер обещал мне балабана, но недавно он писал мне, что тот стал задыхаться. Нынешний год куропатки нам все уши протрещат. Никакого удовольствия не нахожу расставлять сети, потому что простужаюсь; если я не бегаяю, не хлопочу, – мне всегда не по себе. Правда, прыгая через кусты и изгороди, часто оставляешь клочья рясы. Приобрел я прелестную борзую. Дьявол побери меня, ежели она упустит зайца. Лакей вел ее к г-ну де-Молерие: я его ограбил! Плохо я поступил?

– Ничуть, брат Жан, – сказал Гимнаст, – ничуть, клянусь всеми чертями, ничуть!

– Итак, за чертей, пока они есть! Господи боже! Что бы стал делать с этой борзой тот хромым? Ей-богу, ему куда приятней, если ему подарят пару волов.

– Как это вы, брат Жан, – сказал Понократ, – все время божитесь?

– Это только для того, чтобы украсить мою речь! Это цветы цистероновской риторики!

ГЛАВА XL. Почему монахов избегают, и почему у одних носы длиннее, чем у других

– Клянусь верой христианина, – сказал Эвдемон, – я начинаю очень задумываться, видя порядочность этого монаха, который так развеселил нас всех. Но почему, однако, монахов чураются во всякой порядочной компании, зовут их «портильщиками праздников», гонят их как пчелы трутней от улья. «*Ignavum fucos pecus*, – говорит Марон, – *a praesepibus arcent*»¹¹³.

На это Гаргантюа ответил:

– Нет ничего более верного, как то, что ряса и клобук навлекают на себя упреки и оскорбления и всеобщие проклятия, подобно тому как ветер, говорит Цециас, притягивает тучи. Первая причина этому та, что они пожирают мирские нечистоты, то есть грехи; и, как жующих навоз, их прогоняют в их убежище, то есть в их монастыри и аббатства, лишённые приличного обращения, как отхожие места при домах. Но если вы понимаете, почему в семье всегда высмеивают и дразнят какую-нибудь обезьяну, вы поймете и то, почему все, и старики и молодые, избегают монахов. Обезьяна не сторожит дома, как собака, не тащит плуга, как вол, не дает ни шерсти, ни молока, как овцы, не возит тяжестей, как лошадь. Все ее дело – везде гадить и все портить, вот почему и получает она от всех насмешки и пинки. Подобно этому и монах (говорю о монахах-тунеядцах) – не работает, как крестьянин, не охраняет страны, как воин, не лечит больных, как врач; не проповедует и не учит народа, как хороший евангелический доктор богословия и педагог; не доставляет удобных и необходимых для государства предметов, как купец. Вот причина, почему над ними издеваются и их чураются...

– Но ведь, – сказал Грангузье, – они молятся за нас богу.

– Ничуть не бывало, – ответил Гаргантюа. – Правда только то, что они изводят всех соседей треньканьем своих колоколов.

– Да, – говорит монах, – обедни, утрени и вечерни, хорошо отзвоненные, наполовину отслужены.

– Они бормочут себе под нос многое множество всяких житий и псалмов, которых сами

¹¹² На средневековой латыни: «Наиболее великие из духовенства не принадлежат к великим ученым».

¹¹³ Стих Вергилия: «Ульи свои охраняют от трутней постыдного стада».

не понимают. Отчитывают десятками «Отче наш» попеременно с длинными «Богородицами», не вникая в смысл и не думая. Я называю это насмешкой над богом, а не молитвою. Помогай им бог, если они молятся за нас, а не из страха потерять свои хлеба и жирные супы. Все истинные христиане, всех состояний, во всех местах и во всякое время молятся богу, и дух молится и предстательствует за них, и бог посылает им свои милости. Таков и наш добрый брат Жан. Поэтому всякий желает иметь его в своем обществе. Он – не ханжа, не ходит в лохмотьях, честен, весел, решителен, хороший товарищ; он работает, трудится, защищает угнетенных, утешает скорбящих, помогает страждущим, стережет сады аббатства.

– Я, – говорит монах, – делаю еще больше. Справляя заутрени и панихиды на хорах, я в то же время делаю тетивы для лука, полирую стрелы для арбалетов, делаю сети и сачки для ловли кроликов. Я никогда не бываю праздным. Ну, а теперь выпьем! Выпьем! Дай-ка фруктов! А вот каштаны из Эстрокского лесу, со свежим добрым винцом. Эй, вы там! Вы еще не развеселились! А я, ей-богу, пью из каждого брода, как лошадь сборщика!

Гимнаст сказал ему:

– Брат Жан, оботрите каплю, что у вас висит на носу.

– Ха-ха! – сказал монах. – Разве я могу утонуть, если я по нос в воде? О нет, нет! А почему нет? Ибо вода выходит из носа, а не входит в нос, потому что он защищен виноградом. Друг мой, друг мой! Будь у кого зимние сапоги из такой кожи, он бы смело мог в них ловить устриц, потому что они никогда не промокают.

– Почему, – спросил Гаргантюа, – у брата Жана такой красивый нос?

– Потому что, – отвечал Грангузье, – так было угодно богу, который творит нос по таким формам, согласно своему божественному замыслу как горшечник отликает свою посуду.

– Потому, – сказал Понократ, – что брат Жан попал раньше других на ярмарку носов. Он и выбрал себе нос покрасивее и побольше.

– Поехали! – сказал монах. – Согласно истинной монастырской философии, это потому, что у моей кормилицы груди были мягкие: когда я ее сосал, мой нос уходил в них, как в масло, и там поднимался и рос, как тесто в квашне. А у чьих кормилиц груди твердые, те выходят курносими. Ну, веселей, веселей, *ad formam nasi cognoscitur ad te levavi*¹¹⁴. Я варенья никогда не ем. Паж! Влаги! И также – жаркого!

ГЛАВА XLI. Как монах усыпил Гаргантюа, и о его часослове и требнике

Кончив ужинать, стали совещаться о неотложных делах, и было решено около полуночи выйти на разведку, чтобы выяснить дозоры и бдительность врагов, а пока же решили отдохнуть немного, чтобы быть свежее. Но Гаргантюа не мог уснуть, как ни старался. Тогда монах сказал ему:

– Я никогда так хорошо не сплю, как за проповедью или за молитвою. Умоляю вас, начнем вместе семипсалмие, – увидите, что вы сейчас же заснете.

Эта выдумка очень понравилась Гаргантюа, и при начале первого псалма, на словах «*Beati quorum*»¹¹⁵, заснули оба. Но монах не преминул проснуться до полуночи, – так он привык вставать к монастырской утрени. Проснувшись, он разбудил всех остальных, затянув во весь голос песню:

Го, Реньо, вставай, вставай,
Поднимайся, не зевай!

¹¹⁴ «По форме носа он узнает, что я поднимал его к тебе».

¹¹⁵ «Блаженны, иже...»

Когда все проснулись, он сказал:

– Господа, говорят, что заутреня начинается с прокашливания, а ужин с выпивки. Сделаем наоборот – заутреню начнем с выпивки, а вечером, перед ужином, прокашляемся: у кого лучше выйдет?

Гаргантюа на это сказал:

– Пить в такую рань, сразу со сна! Это нездорово. Надо сначала очистить желудок от излишков и от нечистот.

– Это очень здорово, – сказал монах. – Сто чертей мне в тело, если старых пьяниц на свете не больше, чем старых докторов. Я со своим аппетитом заключил такой договор, чтобы он всегда ложился спать со мною, и на это я даю распоряжение в течение дня; встает он тоже вместе со мной. Принимайте сколько хотите ваше слабительное, а я пойду за своим рвотным.

– За каким рвотным? – спросил Гаргантюа.

– За моим требником, – сказал монах. – Точь-в-точь как соколничие, прежде чем кормить своих птиц, заставляют их погрызть куриную ножку, чтобы очистить их мозг от слизи и возбудить аппетит, так и я, взяв этот веселый требничек, утром прочищаю себе легкие, и вот я готов пить.

– По какому чину, – сказал Гаргантюа, – читаете вы этот прекрасный часослов?

– А по чину Феканского аббатства¹¹⁶: три псалма и три чтения, а то и вовсе ничего, – кто не хочет. Я никогда не подчиняюсь часам: часы для человека, а не человек для часов. Поэтому со своими часами я делаю как с ремнями у стремян: укорачиваю и удлиняю, как мне кажется удобным. «Brevis oratio penetraet coelos, longa potatio evacuat scyphos»¹¹⁷. Где это написано?

– Ей-богу, – сказал Понократ, – не знаю, мой милый, – но ты многого стоишь!

– В этом, – сказал монах, – я похож на вас. Но, Venite apotemus¹¹⁸!

Приготовили побольше жарких и хлеба в бульоне, и монах выпил в свое удовольствие. Одни поддержали ему компанию, другие – уклонились. А потом все стали снаряжаться и вооружаться, и монаха тоже вооружили, против его воли; потому что он не хотел другого вооружения, кроме рясы на животе да древка от креста в руке. Но ради них он все же вооружился с головы до ног и уселся на доброго королевского скакуна и сбоку привесил тяжелый меч. С ним вместе выехали Гаргантюа, Понократ, Гимнаст, Эвдемон и еще двадцать пять самых отважных из Дома Грангузье, все вооруженные как нельзя лучше, с копьями в руках, На конях, как святой Георгий, и у каждого сзади, на крупе коня, сидел стрелок.

ГЛАВА XLII. Как монах вселял в товарищей мужество, и как он повис на дереве

Итак, благородные бойцы отправляются в свое предприятие, твердо решив взвешивать, какую встречу следует принять и какой остерегаться, когда наступит день великого и страшного боя. А монах придает бодрости, говоря:

– Вперед, дети, без страха и сомнения! Я поведу вас наверняка. С нами бог и святой Бенедикт! Если бы сила моя равнялась моей храбрости, черт возьми, я бы ошипал вам их как утку. Я не боюсь ничего, кроме артиллерии. И то я знаю некую молитву, которую мне передал второй пономарь нашего аббатства и которая может уберечь человека у всякого огнестрельного оружия; но мне эта молитва мало приносит пользы, потому что я в нее не

¹¹⁶ Фекан – аббатство в провинции; распущенность его монахов вошла в поговорку.

¹¹⁷ «Краткая молитва проникает на небо, длинная выпивка опустошает бокалы».

¹¹⁸ «Придите, выпьем» (пародия на «Venite adoremus» – «Приидите, поклонимся»).

верю. Тем не менее мое древко от креста наделает черт знает чего. И, ей-богу, если кто из вас вздумает куда-нибудь нырнуть, то черт меня побери, если я его не сделаю монахом и не наряжу в свою рясу: эта ряса – лекарство от трусости. Разве вы не слышали о борзom kobеле г-на де-Мерль, совершенно не годном на охоте? Тогда г-н де-Мерль надел на него рясу. Клянусь телом господним, что с тех пор ни один заяц, ни одна лисица не вырвались от него; и еще больше: он покрыл всех сучек в округе, а до того был *De frigidis et maleficiatis*¹¹⁹ совсем бессильным!

Монах, в гневe произнося последние слова, подъехал под орешник и забралом шлема зацепился за обломившуюся толстую ветку. Невзирая на это, он лихо пришпорил коня, который был чувствителен к уколам и рванулся вперед; а монах, желая отцепить забрало от сучка, выпустил поводья и на руке повис на ветвях, меж тем как лошадь из-под него усакала. Таким образом монах оставался висеть на орешнике и звал на помощь от убийц, видя в этом измену.

Первым заметил его Эвдемон, и позвал Гаргантюа:

– Государь, подите и посмотрите на висящего Авессалома.

Подъехав, Гаргантюа рассмотрел позу монаха, и каким образом он висел, и сказал Эвдемону:

– Вы неудачно вспомнили, сравнив его с Авессаломом, потому что Авессалом повис на волосах; а монах – с бритой головой – повис на ушах.

– Помогите же! – вскричал монах. – Дьявол побери! Время ли тут балагурить? Вы похожи на проповедников-декреталистов, которые говорят, что если кто увидит ближнего в смертельной опасности, то должен под страхом троекратного отлучения, прежде чем помочь, убедить его отысповедываться и удостоиться благодати. Поэтому, когда я увижу таких проповедников, упавших в воду и тонущих, – вместо того чтобы протянуть им руку, я прочту им длинную проповедь *de contemptu mundi et fuga saeculi* – о презрении к миру сему и о преходящести века сего, а когда они станут окоченелыми трупами – выловлю их.

– Не шевелись, крошка, – сказал ему Гимнаст, – я сниму тебя, ты милый, маленький монашек. «*Monachus in clauastro non valet ova duo: sed quando est extra, bene valet triginta*»¹²⁰. Я видел больше пятисот повешенных, но не видел ни одного, который висел бы с такой грацией, и если б она была у меня, я хотел бы висеть так всю свою жизнь.

– Скоро вы напроповедуетесь? – сказал монах. – Помогите мне ради бога, если не хотите помочь ради другого¹²¹. Клянусь платьем, которое ношу, вы раскаетесь в этом *tempore et loco praelibatism*.

Тогда Гимнаст сошел с лошади и, взобравшись на дерево, одной рукой поднял монаха под мышки, а другой отцепил его забрало от сука, и монах упал на землю, а Гимнаст за ним. Спустившись, монах сейчас же сбросил с себя всю ратную сбрую и расшвырял по полю одну часть за другой. Взяв свое древко от креста, он сел на своего коня, которого поймал Эвдемон, и так они весело поскакали по пути к Соллэ.

ГЛАВА XLIII. Как передовой отряд Пикрошоля попался навстречу Гаргантюа, и как монах убил капитана Тиравана, а потом попал в плен к врагам

Пикрошоль, после донесения тех, которые успели спастись от поражения, когда Трипе

¹¹⁹ «Из холодных и неспособных».

¹²⁰ «Монах в монастыре и пары яиц не стоит, но на воле стоит добрых тридцать».

¹²¹ Т.-е. дьявола.

был выпотрошен, охвачен был сильным гневом, слыша, что дьяволы напали на его людей, и всю ночь держал совет, на котором Гастиво и Тукдильон высказывали мнение, что могущество его таково, что он мог бы разбить всех дьяволов ада, если бы они явились. Пикрошоль не верил этому вполне, но в то же время не был уверен и в противном

Однако он послал на разведку, под командой графа Тиравана, тысячу шестьсот всадников легкой кавалерии, хорошо окропив их всех святой водой и каждому повязав епитрахиль вокруг шеи; на тот случай, если они встретят дьяволов: те исчезли бы и расточились от действия как епитрахилей, так и грегорианской воды¹²².

Они доехали почти до Вогийона и Маладри, но нигде не встретили никого, с кем бы поговорить; тогда они вернулись верхней дорогой, и в пастушьей хижине, близ Кудрэ, нашли пятерых паломников. Поколотив их и связав, они увели их в качестве шпионов, несмотря на мольбы, клятвы и просьбы.

Спустившись оттуда к Севилье, они были услышаны Гаргантюа, который сказал своим людям:

– Товарищи, здесь предстоит схватка; их вдесятеро больше, чем нас. Ударим на них?

– Черт возьми! – сказал монах. – Что же мы будем делать? Вы мерите людей числом, а не доблестью и отвагой? – И потом закричал: Ударим, черти, ну, живее!

Слыша это, неприятели подумали, что, наверное, это были истинные дьяволы, и поэтому пустились бежать, бросив поводья, все, за исключением Тиравана, который взял копьё наперевес и со всей мочи ударил монаха в грудь. Но, встретив страшную рясу, железо копья затупилось, будто свечка, которою ударили по наковальне. Тогда монах так ударил его древком от креста между шеей и колетом, в самую кость акромион¹²³, что тот, пораженный, потерял сознание и недвижный упал к ногам лошади.

Монах, увидев епитрахиль, которую тот носил в виде перевязи, сказал Гаргантюа:

– Это – священники, то есть монахи только в зачатке. Я же, клянусь святым Иоанном, – полный монах, и набью вам их как мух.

Крупным галопом он поскакал вслед за ними, настиг задних и стал молотить их как рожь, нанося удары направо и налево. Гимнаст спросил у Гаргантюа, надо ли их сейчас преследовать, на что Гаргантюа ответил:

– Ничуть! Согласно истинной военной науке, никогда не следует доводить своих врагов до отчаяния, потому что необходимость увеличивает силы и мужество, которые уже ослаблены и истощены, и нет лучшего средства спасения для людей оцепеневших и истомленных, чем потеря всякой надежды на спасение. Сколько побед было вырвано побежденными из рук победителей, когда те, вопреки рассудку, стремились к полному уничтожению и совершенному избиению неприятеля, не желая оставить ни одного, кто мог бы сообщить об этом! Нет, всегда оставляйте неприятелю все ворота и дороги открытыми, и скорее постройте для них серебряный мост, чтобы отправить их.

– Правда, – сказал Гимнаст. – Но ведь у них монах!

– Монах, – сказал Гаргантюа, – у них? Честное слово, им же хуже! Но, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям, не будем пока отступать. Подождем здесь в тишине, потому что я думаю, что достаточно узнал характер наших врагов. Они руководятся случаем, а не разумом.

Пока они ждали так под орешником, монах продолжал преследование, поражая без всякой пощады всех, кого встречал, пока не встретил всадника, который вез на крупе коня одного из несчастных паломников, и когда он хотел поразить его, паломник закричал:

– О, господин приор, друг мой, господин приор, спасите меня, прошу вас!

¹²² «Грегорианская вода», изобретение которой приписывалось папе Григорию III, – это вода, смешанная с вином и пеплом и служившая для омовения оскверненных храмов.

¹²³ Лопатка.

Услышав эти слова, враги обернулись и, заметив, что тут был только монах, который так скандалил, стали колотить его, как деревянного осла, – однако он ничего не чувствовал, даже когда они били его по рясе: такая у него была твердая кожа.

Поручив его стеречь двум стражам и повернув лошадей, они никого заметили впереди себя, из чего заключили, что Гаргантюа со своим отрядом бежал. Тогда они бросились во весь опор к долине Нуарет, чтобы догнать его, и оставили монаха одного с двумя стражами. Гаргантюа услышал шум и ржанье лошадей и сказал своим:

– Товарищи, я слышу топот врагов и уже вижу некоторых из них, которые идут на нас толпою. Сомкнем свои ряды в боевой порядок на дороге: таким образом мы сможем встретить их к нашей чести и их гибели.

ГЛАВА XLIV. Как монах отделался от своих сторожей, и как был разбит отряд Пикрошоля

Монах, видя, как они уехали в беспорядке, вывел заключение, что они нападут на Гаргантюа и его людей, и был страшно огорчен, что не может им помочь. Потом по поведению своих сторожей он увидел, что они охотно поскакали бы за отрядом, чтобы поживиться чем-нибудь, так как все время посматривали на долину, в которую спускался отряд.

– Эти люди очень плохо обучены военному делу, потому что не потребовали от меня обещания не бежать и не отобрали у меня моего меча, – рассуждал он.

После того он внезапно выхватил свой меч и ударил стража, что держал его справа, полностью перерезав ему гортанную вену и сонную артерию на шее, вместе с язычком, вплоть до желез, и, повторив удар, вскрыл ему спинной мозг между вторым и третьим позвонками: страж упал мертвым. А монах, повернув свою лошадь налево, наехал на другого, который, видя, что его товарищ мертв, и монах приближается к нему, закричал во весь голос:

– Господин приор, я сдаюсь! Господин приор, добрый мой друг, господин приор!

А монах тоже кричал:

– Господин постериор, мой друг, господин постериор¹²⁴, вы получите по вашему заду.

– О! – сказал страж, – господин приор, дорогой господин приор, дай вам бог быть аббатом!

– Клянусь рясой, – сказал монах, – что я ношу, я здесь же вас сделаю кардиналом. Что же, вы хотели подкупить духовное лицо? Сейчас вы получите красную шапку из моих рук.

Страж кричал:

– Господин приор, господин приор, господин будущий аббат, господин кардинал, господин всё! Ах! Ох! Эх! Нет, господин приор, мой добрый господинчик приор, я сдаюсь вам, сдаюсь!

– А я тебя сдаю, – сказал монах, – всем чертям.

И одним ударом пробил ему голову, сломав черепную коробку над височной костью, и отделил от затылка обе теменные кости и большую часть лобной доли вместе с стреловидным мостом. Тем же ударом он пробил ему обе мозговые оболочки, так что обнажились желудочки, и задняя часть черепа повисла над плечами (точно шапочка доктора, черная сверху и красная внутри). Тут стражник мертвый свалился на землю.

После этого монах прищипорил лошадь и помчался по тому пути, по которому шли враги, встретившие Гаргантюа и его товарищей на большой дороге, но так значительно поубавившиеся в числе, благодаря страшному избиению, которое произвел Гаргантюа своим деревом, Гимнаст, Понократ, Эвдемон и другие. Видно было, что враги обратились в бегство

---

¹²⁴ Игра слов: «приор» (prior, ср...а priori) – «тот кто впереди (другого)»; «постериор» (posterior, ср. «а posteriori») – «тот, кто сзади (позже) другого».

в таком ужасе и безумном смятении, как если бы увидели перед своими глазами призрак смерти.

Как осел, которого под хвостом кусает овод Юноны или просто муха, бегают без пути и дороги, сбросив вьюк на землю, оборвав вожжи, удила, без отдыха и передышки, и никто не знает, кто его толкает, так как не видит, что его трогает, – так бежали и эти люди, потерявшие рассудок и не знавшие причины своего бегства. Ибо их преследовал лишь панический ужас, охвативший их души.

Монах, видя, что единственной их мыслью было убежать, сходит с коня, взбирается на большой камень, стоявший на пути, и своим большим мечом поражает беглецов со всего размаху, не щадя себя. Он перебил и поверг на землю такое количество врагов, что меч его сломался пополам. Тут он решил, что довольно жертв и убийств, и что остальные Должны убежать, чтобы известить своих. Все-таки он схватил в руку секиру одного из тех, что лежали мертвыми, и снова вернулся на камень, где и занялся тем, что стал смотреть, как бегут враги и спотыкаются о трупы, и, кроме того, заставлял всех оставлять пики, шпаги, копья и пищали, а тех, что везли связанных паломников, он скинул с лошадей, которых отдал названным паломникам, держа их с собой около изгороди, как и Тукдильона, которого взял в плен.

ГЛАВА XLV. Как монах привез паломников, и о хороших словах, сказанных королем Грангузье

По окончании схватки Гаргантюа ушел со своими людьми, за исключением монаха, и к вечеру они пришли к Грангузье, который в постели молился богу о даровании им спасения и победы. Увидев всех их целыми и невредимыми, он с любовью расцеловал их и стал расспрашивать о монахе.

Но Гаргантюа ответил ему, что монах, несомненно, попал к врагам.

– О, – сказал Грангузье, – тогда им не поздоровится.

И это было очень верно. Ведь до сих пор в ходу поговорка: «запустить кому-нибудь монаха»¹²⁵.

Он тотчас же приказал подать хороший завтрак, чтобы подкрепить их. Когда все было готово, позвали Гаргантюа; но он был так опечален исчезновением монаха, что не хотел ни пить, ни есть. И вдруг появляется монах и кричит от ворот:

– А ну-ка свежего винца, свежего винца, Гимнаст, мой друг! Гимнаст вышел и увидел, что это брат Жан, который привез пять паломников и пленного Тукдильона. Тогда и Гаргантюа вышел навстречу, монаху оказали самый лучший прием, какой могли, и привели к Грангузье, который стал расспрашивать его обо всех приключениях. Монах рассказал обо всем: как его взяли в плен, как он покончил со стражником, какую бойню учинил он по дороге, как он отобрал паломников и привез капитана Тукдильона.

Потом все принялись весело пировать. Между тем Грангузье спрашивал паломников, из какой они страны, откуда пришли, куда направляются. За всех ответил Усталый Пешеход:

– Государь, я из Сен-Жену, в Берри; этот из Палюо, тот – из Онзэ, этот из Аржи, а тот – из Вильбрена. Мы идем из Сен-Себастьяна, что у Нанта, и теперь возвращаемся небольшими переходами.

– Хорошо! – сказал Грангузье. – Но что вы хотели делать у святого Себастьяна?

– Мы хотели, – сказал Пешеход, – принести ему свои обеты против чумы.

– О, – сказал Грангузье, – бедные люди, неужели вы думаете, что святой Себастьян насылает чуму?

– Ну да, конечно, – это утверждают наши проповедники.

– Да? – сказал Грангузье. – Значит, лжепророки объявляют вам такую ложь? Таким

---

¹²⁵ Bailler le moine a quelqu'un – это значит – издеваться над кем-нибудь.

образом они клеветают на святых, праведников божьих, уподобляя их дьяволам, сеющим только зло среди людей, как Гомер написал, что чума на греческое войско была напущена Аполлоном, и как поэты выдумали целую кучу злых богов. В Синэ некий ханжа проповедовал, что Антоний насылает огонь на ноги.

Святой Евтропий – водянку,

А святой Жильдас – сумасшествие,

Святой Жену – подагру¹²⁶.

«Но я его наказал так примерно, что хотя он и назвал меня еретиком, но с той поры ни один святоша не смеет больше показаться на моей земле; и меня поражает, что ваш король позволяет им в своем королевстве проповедовать такую ложь; их надо карать беспощаднее, чем тех, кто посредством магии или других козней насылает на страну чуму. Чума убивает только тела, а эти лжецы отравляют души».

Пока он так говорил, в комнату вошел с очень решительным видом монах и спросил:

– Откуда вы, бедняги?

– Из Сен-Жену, – сказали те.

– А как, – сказал монах, – поживает аббат Траншлион, этот славный выпивака? А монахи, что они едят? О тело господне! Ах, попробуют они ваших жен, пока вы странствуете.

– Гм, гм, – сказал Пешеход. – За свою я не боюсь. Потому что кто ее увидит днем, не станет себе шеи ломать, чтобы прийти к ней ночью!

– Это, – сказал монах, – вилами на воде писано. Она может быть дурна, как Прозерпина, – и то не останется в покое, раз монахи поблизости, потому что хороший работник всякую вещь безразлично пускает в дело. Пропади я, если при вашем возвращении вы не найдете их потолстевшими, потому что даже тень от колокольни в аббатстве плодоносит.

– Это как нильская вода в Египте, – сказал Гаргантюа, – если верить Страбону; а Плиний говорит: плодородие зависит также от питания, от одежды и от телосложения.

Тут сказал Грангузье:

– Уходите-ка, бедные люди, во имя господина-создателя – да будет он вашим постоянным руководителем – и впредь не будьте столь легки на праздные и бесполезные путешествия. Содержите ваши семьи, работайте каждый по своему призванию, наставляйте своих детей и живите, как вас учит добрый апостол, святой Павел. Поступая так, вы будете хранимы господом, ангелами его и святыми его, и ни чума, никакая другая болезнь не поразят вас.

Потом Гаргантюа свел их в зал, чтобы накормить их; но паломники только вздыхали и говорили ему:

– О, как счастлив тот край, который имеет своим господином такого человека! Его речи наставили и научили нас больше, чем все проповеди, которые когда-либо говорились в нашем городе.

– Это то, что и говорит Платон, – сказал Гаргантюа, – в книге пятой «О государстве»: счастливы будут государства, когда короли будут философами, или когда философы будут королями.

Потом он велел наполнить их сумы всякою едой, бутылки – вином и каждому дал по коню для облегчения остающегося пути и по несколько монет на прожитие.

ГЛАВА XLVI. Как гуманно обошелся Грангузье с пленником Тукдильэном

Тукдильон был представлен Грангузье, и на вопрос того относительно намерений и

---

¹²⁶ Все эти качества приписываются святым, по-видимому, исключительно из-за созвучия (на франц. яз.) их имен с названными болезнями.

деяний Пикрошоля и о том, какая цель преследуется этим внезапным мятежом, Тукдильон ответил, что цель и назначение этого всего – завоевание, по возможности, всей страны, за обиду, нанесенную его пекарям.

– Это уже слишком много, – сказал Грангузье, – кто многого хочет, мало получает. Теперь не время для таких завоеваний, которыми наносится вред ближнему, брату-христианину. Это подражание древним Геркулесам, Александрам, Ганнибалам, Сципионам, Цезарям и другим подобным противно евангельскому учению, коим предписывается нам оберегать, спасать, владеть и править каждому своими землями, а не нападать враждебно на чужие; и то, что некогда сарацины и варвары называли подвигами, ныне мы называем злодейством и разбоем. Лучше бы ему было держаться своего дома и по-королевски управлять им, чем нападать на мой и, как враг, грабить его; потому что, хорошо управляя своим, он возвеличил бы его, а грабя меня – разрушит. Уходите с богом, следуйте путем добрым; указывайте вашему королю ошибки, которые будете знать, и не советуйте ему никогда, имея в виду вашу частную пользу: ибо с общим делом гибнет и частное. А что до выкупа за вас, – я дарю вам его полностью, и вам будут возвращены и оружие ваше и лошадь.

Так надо поступать с соседями и старинными друзьями, так как эта ссора между нами, собственно, не есть война. «Так и Платон в книге пятой «О государстве» не хотел называть войной, а назвал возмущением, когда греки подняли оружие одни на других, и в случаях подобного несчастья он советует действовать со всею умеренностью. Если вы это называете войной, то она только поверхностна, она не проникает в самую глубину наших сердец: ведь ни у кого из нас честь не оскорблена. Весь вопрос, в конечном итоге, в том, чтобы исправить ошибку, совершенную нашими людьми, – я говорю: нашими и вашими, – ошибку, которую, хотя бы вы и убедились в ней, вы должны были спустить, потому что лица, которые поссорились, достойны скорее презрения, чем внимания, даже если и удовлетворить их за убытки, как я уже предложил. Бог будет справедливым судьей в нашей ссоре, – бог, которого я умоляю скорее смертью отнять у меня жизнь и на моих глазах уничтожить все мое имение, чем допустить, чтобы в чем-нибудь он оскорблен был мною или моими подданными».

Сказав это, он позвал монаха и при всех спросил у него:

– Брат Жан, добрый друг мой, это вы захватили в плен присутствующего здесь капитана Тукдильона?

– Государь, – сказал монах, – он здесь, он совершеннолетний и в здравом уме, и я предпочитаю, чтобы вы узнали это из его признания, а не из моих слов.

Тогда Тукдильон сказал:

– Да, государь, это он, действительно, взял меня, и я откровенно признаю себя его пленником.

– Вы хотите за него выкуп? – спросил у монаха Грангузье.

– Нет, – сказал монах, – я об этом не беспокоюсь.

– А сколько бы вы хотели, – сказал Грангузье, – за его пленение?

– Ничего, ничего, – ответил монах. – Это мне не нужно.

Тогда Грангузье велел в присутствии Тукдильона отсчитать монаху шестьдесят две тысячи золотых за его пленение, что и было сделано, пока Тукдильона угощали обедом.

Грангузье спросил, предпочитает ли Тукдильон остаться у него, или вернуться к своему королю. Тот ответил, что поступит так, как Грангузье ему посоветует.

– Ну так, – сказал Грангузье, – возвращайтесь к своему королю, и бог да будет с вами.

Тут он вручил пленнику прекрасную воинскую шпагу с золотыми ножнами, украшенными резьбой искусной работы, и золотое ожерелье, несом в семьсот две тысячи марок¹²⁷, отделанное драгоценными камнями, стоимостью сто шестьдесят тысяч дукатов; кроме того – в виде почетного подарка – десять тысяч экю.

---

¹²⁷ См. примеч. 17.

После этого Тукдильон сел на своего коня. Для его безопасности Гаргантюа дал ему свиту из тридцати латников и ста двадцати стрелков под начальством Гимнаста, чтобы проводить его до самых ворот Ла-Рош-Клермо, если будет нужно.

Когда тот уехал, монах вернул Грангузье шестьдесят две тысячи золотых, полученных им, говоря:

– Государь, не время делать такие подарки. Подождите конца этой войны, – потому что неизвестно, какие случатся дела. А война, когда она ведется без хорошего денежного запаса, имеет поддержку только в храбрости. Нервы войн – это деньги.

– Хорошо, – сказал Грангузье, – я вас достойно вознагражу по окончании войны, – как и всех, кто будет хорошо служить мне.

Как Грангузье собрал свои легионы, и как Тукдильон, убив Гастиво, сам был убит по приказу Пикрошоля.

В эти самые дни все окрестные сеньоры¹²⁸ направили к Грангузье своих послов, чтобы сказать ему, что все они извещены об обидах, причиненных ему Пикрошолем, и что в силу старинных своих союзных отношений они предлагают к его услугам все свои силы как людьми и деньгами, так и военным снаряжением. Денег, согласно присланным договорам, было в общем 134 000 0024/3 золотых экю. Людей – 15 000 латников, 32 000 легкой кавалерии, 89 000 пицальников, 140 000 волонтеров; далее 11200 простых и двойных пушек, василисков и мортир; 47 000 человек для земляных работ. Жалованье и продовольствие обеспечивались на 6 месяцев и 4 дня. Гаргантюа этого предложения не принял и не отказался от него. Но, весьма благодаря их, он написал всем, что поведет предстоящую войну таким способом, что вовсе не понадобится столько тратить полезных сил.

Он только послал привести в порядок легионы, которые он содержал обычно в Девиньере, Шовиньи, Граво и Кенкенэ, общим количеством 2 500 латников, 66 000 пехотинцев, 26 000 пицальников, 200 тяжелых орудий, 22 000 землекопов и 6 000 легкой кавалерии. Все отряды были так прекрасно обеспечены казначеями, заведующими провиантом, кузнецами, оружейниками и другими людьми, необходимыми во время войны; все были так прекрасно обучены военному искусству, так хорошо вооружены, так хорошо знали свои знамена, столь быстры были в понимании и повиновении приказаниям своих начальников, столь легки в беге, столь сильны при ударе, столь осторожны, что были похожи скорее на стройный орган или согласованный часовой механизм, чем на армию или воинство.

По приезде Тукдильон явился к Пикрошолю и подробно рассказал, что он сделал и что видел. В конце он советовал, в сильных выражениях, добиться соглашения с Грангузье, который, как он в этом убедился, был самым порядочным человеком в мире. И прибавлял, что не было ни пользы ни справедливости в том, чтобы так обижать своих соседей, от которых не видели ничего, кроме хорошего, а главное, говорил он, что они никогда не выйдут из этого предприятия без великого ущерба и несчастья, так как силы Пикрошоля таковы, что Грангузье легко мог их уничтожить.

Не успел он окончить речь, как Гастиво очень громко сказал:

– Сколь несчастен государь, которому служат люди, столь легкие на подкуп, как Тукдильон; потому что я вижу, что мужество ему изменило настолько, что он охотно бы присоединился к нашим врагам, чтобы сражаться против нас и нас предать, если бы они захотели оставить его у себя. Но если доблесть восхваляется и ценится как во врагах, так и в друзьях, то и подлость познается скоро и всегда подозрительна, и хотя враги употребляют ее в свою пользу, тем не менее изменников и предателей презирают.

При этих словах Тукдильон, не стерпев, выхватил меч и пронзил им Гастиво повыше левого соска, отчего тот немедленно умер. Вытащив оружие из тела убитого, он сказал смело:

---

¹²⁸ Следует перечисление имен 32 феодалов, соседей и союзников Грангузье.

– Так да погибнет всякий, кто осмелится клеветать на честных слуг.

Пикрошоль внезапно пришел в ярость при виде обагренного кровью меча и воскликнул:

– Разве тебе дали это оружие, чтобы ты в моем присутствии вероломно убил моего доброго друга Гастиво?

И он приказал своим стрелкам разорвать Тукдильона на куски, что и было исполнено тотчас же, с такою жестокостью, что вся комната была залита кровью. Потом он приказал с почетом предать земле тело кстиво, а труп Тукдильона сбросить со стен замка в ров.

Весть обо всех этих жестокостях стала известна всему войску, и многие стали роптать на Пикрошоля, так что Гриппино сказал ему:

– Я не знаю, государь, каков будет исход этого дела. Я вижу, что люди ваши мало тверды в своем мужестве. Они рассуждают, что мы здесь плохо обеспечены припасами, и они уже очень уменьшились в числе после двух ила трех вылазок. Сверх того, к вашим врагам подходит большое подкрепление. Если мы будем осаждены, то я ясно вижу, что для нас это будет полный разгром.

– Ну, к чорту, – сказал Пикрошоль, – вы похожи на мелюнских угрей: начинаете кричать раньше, чем с вас сдирают кожу. Пусть только они придут!

ГЛАВА XLVIII. Как Гаргантюа напал на Пикрошоля в Ла-Рош-Клермо я разбил его армию

Гаргантюа было поручено командование всей армией. Отец его остался в своей крепости и, придавая войскам мужества всякими хорошими словами, обещал великие дары тем, кто совершит какой-либо подвиг.

Войска достигли брода де-Вед и на лодках и по легким, быстро наведенным мостам перешли на другую сторону. Потом, рассмотрев положение города, который был раскинут на высоком и выдающемся месте, Гаргантюа решил, что следует предпринять в эту ночь.

Но Гимнаст сказал ему:

– Господин, природа и комплекция французов таковы, что они сильны только при первом натиске. Тогда они хуже дьяволов; но при промедлении они становятся слабее женщин. Я того мнения, что сейчас же, как только ваши люди немного передохнут и поедят, вы дадите приказ к нападению.

Далее следует рассказ про гибель – сначала вылазки Пикрошоля, а потом главной массы осажденного войска, которое, правда, нанесло некоторый урон и войскам Гаргантюа.

Монах явился, по обыкновению, главным героем: он, увидев, что та сторона города, где он был со своими людьми, никем не защищается, бесшумно влез на городскую стену, перебил стражу и, напав на врага с тылу, заставил оставленный в городе гарнизон и жителей сдаться на милость победителей.

ГЛАВА XLIX. Как Пикрошоль попал в беду во время бегства, и что сделал Гаргантюа после сражения

Пикрошоль от отчаяния бежал к острову Бушар. По дороге к Ривьере лошадь его споткнулась и упала, на что он так вознегодовал, что в гневе убил ее своим мечом. Не найдя потом никого, кто бы ему дал на смену коня, он хотел взять осла с мельницы, которая была неподалеку; но мельники избили его и ограбили у него всю одежду, дав ему чтобы прикрыться, какой-то жалкий балахон. Так и шел бедный холерик; потом, перейдя реку у Пор-Гюо и рассказывая о своих злоключениях, он был предупрежден какой-то старой колдуньей, что его королевство будет ему возвращено, когда прилетят из-за моря яйцееды.

С тех пор неизвестно, что с ним случилось. Однако мне говорили, что теперь Пикрошоль работает поденщиком в Лионе, и, сердитый по-прежнему, все жалуется всем иностранцам, что не летят яйцееды, надеясь, конечно, согласно предсказанию старухи, быть

восстановленным, по их прилете, в своем королевстве.

По уходе врагов Гаргантюа прежде всего пересчитал своих людей и убедился, что в сражении погибли только немногие, а именно несколько пехотинцев из отряда капитана Тольмера, да не было Понократа, в которого попал выстрел из пищали в упор. Тогда Гаргантюа, после того как все подкрепились и отдохнули по своим отрядам, приказал казначеям заплатить за еду и не причинять никаких обид в городе, ибо город был его.

Всем войскам велел он после обеда явиться на площадь перед замком, где им будет уплачено за шесть месяцев, что и было исполнено. После чего на той же площади он приказал собраться всем, кто остался из людей Пикрошоля, которым, в присутствии всех принцев и капитанов, сказал следующее:

ГЛАВА L. Речь, с которою Гаргантюа обратился к побежденным

(Так как нарушение цельности этой речи повествованию не наносит существенного ущерба, то она пересказана вкратце.)

Все предки наши, – говорил Гаргантюа, – отличались гуманностью к побежденным врагам и совсем не походили на королей и императоров, которые величают себя католиками, и засаживают своих пленников в тюрьмы, требуя за них громадный выкуп.

Альфабрал, царь Канарский, был (до пленения его моим отцом) отчаянным пиратом. Отец мой отпустил его на родину, осыпав милостями и подарками. И тот, в благодарность за этот великодушный поступок, по соглашению со всеми приближенными своими и с выборными от сословий, послал моему отцу в дар огромный корабль, до краев нагруженный редчайшими драгоценностями.

Мало того, по прибытии к отцу Альфабрал представил документ о закреплении себя самого со всем потомством моему отцу – и другой, подписанный сословными представителями, о передаче всех земель королевства ему же.

Отец отказался от того и другого; взамен этого канарцы заставили признать себя вечными данниками моего отца и добровольно обязались ему выплачивать 2 000 000 золотых монет (каждая в 24 карата) ежегодно. Но уже во второй год уплатили 2 300 000 экю, в третий – 2 600 000, в четвертый – 3 000 000, и ежегодно увеличивали бы свои платежи, если бы мы не воспретили им делать это. Я не желаю быть вырождаком в своем роде и, следуя традициям своих предков, освобождаю вас безусловно и выдам каждому денег на трехмесячный прожиток с семьею, после чего под конвоем, для защиты от крестьян, направлю вас домой.

Неизвестно, куда скрылся ваш король, и я хочу передать королевство целиком его сыну. Так как ему только пять лет, мой добрый Понократ возьмет на себя руководство его воспитанием вплоть до его совершеннолетия.

По примеру кротчайшего из людей, Моисея, и добрейшего из императоров, Цезаря, я все же требую, чтобы зачинщики мятежа были сурово наказаны. Мне угодно, чтобы вами был выдан мне ваш прекрасный Маркэ, этот источник всех бедствий, а также его товарищи пекаря и, наконец, все советники, капитаны, офицеры и слуги Пикрошоля которые подстрекали его к это му нападению на нас.

ГЛАВА LI. Как были вознаграждены гаргантюисты – победители после битвы

Когда Гаргантюа кончил свою речь, ему были представлены зачинщики возмущения, за исключением Спадассена, Мердайля и Менюайля, которые убежали за шесть часов до сражения, один – к ущелью Ленъель, другой – к долине де-Вир, третий – в Логруан, без оглядки, не успевая дух перевести, – и двух пекарей, которые погибли. Гаргантюа ничего дурного им не сделал, а только приставил их к машинам в своей печатне, которую он только что основал.

Потом тех, которые умерли, он велел с почетом предать земле в долине Нуарет и на

поле Брюльвеей. Раненых он приказал перевязать и лечить в своем главном госпитале.

Затем он навел справки об убытках, нанесенных городу и его обитателям, и велел удовлетворить последних согласно их заявлению в клятве. Велел построить крепкий замок, назначив туда караул и гарнизон, чтобы на будущее время быть лучше защищенным против внезапных нападений.

Уходя, он милостиво благодарил всех солдат своих легионов, которые были в этом деле, и отослал их на зимние квартиры, по их стоянкам и гарнизонам, за исключением некоторых из десятого легиона, которые совершили подвиги в этот день, а также начальников отрядов, которых он повел с собою к Грангузье.

Увидев их, добрый человек так обрадовался, что невозможно описать. Он устроил им великолепнейший праздник, самый обильный, самый вкусный, какого не видали со времен царя Агасфера. По выходе из-за стола он распределил между всеми всю посуду своего буфета, весившую в общем 18 000 014 золотых безантов и состоявшую из больших античных ваз, больших кувшинов, чаш, кубков, кувшинчиков, канделябр, чашек, цветочных ваз, всякой другой посуды – все из массивного золота и украшенное камнями, эмалью и резьбою, которые, по мнению всех, стоили даже дороже самого золота.

Затем каждому велел отсчитать из своих сундуков по 1 200 000 экю и, сверх того, каждому из них отдал в вечное владение (кроме случаев смерти без наследников) их замки и соседние земли, наиболее Удобные для них: Понократу подарил Ла-Рош-Клермо, Гимнасту – Удрэ, Эвдемону – Монпансье, Тольмеру – Ле-Риво, Итиболу – Монсоро и т. д.

ГЛАВА LII. Как Гаргантюа велел построить для монаха Телемскую обитель¹²⁹

Осталось только обеспечить монаха, которого Гаргантюа хотел сделать аббатом в Севилье, но тот отказался. Он хотел ему дать аббатство де-Бургэй или Сен-Флоран, какое из них понравится, или оба, если он хочет. Но монах дал ему решительный ответ, что не хочет иметь никаких монашеских должностей и управлений.

– Как буду я, – говорил он, – управлять другим, когда не умею управлять собою? Если вы думаете, что я вам оказал и в будущем могу оказать полезные услуги, так уж позвольте мне основать аббатство, какое мне хочется.

Такая просьба понравилась Гаргантюа, и он предоставил ему для этого всю Телемскую область – до реки Луары – в двух милях от большого леса Пор-Гюо. Монах просил у Гаргантюа учредить свой монастырь, противоположный всем другим.

– Тогда, прежде всего, – сказал Гаргантюа, – не надо строить стен вокруг, так как все остальные аббатства сурово окружено стенами.

– Конечно, – сказал монах, – и понятно почему: где и сзади и спереди стены, там застенки, и зависть, и ропот, и взаимные ковы.

– Кроме того, так как в иных монастырях существует обычай, если в них войдет женщина (я говорю о целомудренных и стыдливых) чистить место, по которому она прошла, то у нас будет установлено, что если в аббатство случайно зайдет монах или монашка, то будут тщательно очищать все места, по которым они прошли. И так как в монастырях все размерено, ограничено и распределено по часам, у нас указом будут воспрещены всякие часы, и все дела будут распределиться соответственно удобствам и надобностям, потому что самая настоящая потеря времени, какую он знает, – говорил Гаргантюа, – это считать часы. Какая от этого польза? И нет ничего глупее – как руководствоваться звоном колокола, а не указаниями здравого смысла и разума. Также: так как в наше время в монашество допускались из женщин только кривые, хромы, горбатые, уродливые, некрасивые, безумные, тупые, хворые, порченые, а из мужчин – только хилые, худородные, бездельники

---

¹²⁹ Телемский – от греческого слова (thelema), что значит – «желание».

и никчемные дома...

– Кстати, – сказал монах, – куда годится женщина ни добрая, ни красивая?

– В монастырь, – сказал Гаргантюа.

– Правда, – сказал монах, – и рубашки шить.

– Поэтому, – продолжал Гаргантюа, – будет установлено, что в их монастырь будут приниматься только красивые, хорошо сложенные и с хорошим характером женщины и мужчины. Также: так как в женские монастыри мужчины входят только украдкой и тайком, то будет издан указ, воспрещающий женщинам быть там, когда нет мужчин; а мужчинам – когда нет женщин.

«Также: так как мужчины и женщины, раз принятые в монастырь, после годового послушничества насильно принуждаются оставаться в нем на всю жизнь, то будет установлено, что как мужчины, так и женщины, принятые к ним, имеют право уйти, когда им вздумается, вполне свободно и безусловно.

«Также: так как обычно монахи дают три обета – целомудрия, бедности и послушания, – у них будет установлено, что каждый может состоять в честном браке, быть богатым и жить на свободе. Что касается узаконенного возраста, то женщины будут приниматься с десяти до пятнадцати лет, а мужчины – с двенадцати до восемнадцати».

ГЛАВА LIII. Как была построена и чем снабжена Телемская обитель

На постройку и устройство обители Гаргантюа велел выдать наличными 2 700 831 длинношерстого барана и ежегодно, пока все не будет закончено, ассигновал доход с реки Див – 1669 000 экю с солнцем и по столько же экю с изображением плеяд.¹³⁰

На содержание обители он пожаловал в вечное владение 2369514 английских нобилей и гарантированной поземельной ренты, Оплачиваемой каждый год казне обители, о чем сделал дарственную Грамоту.

Здание имело шестиугольную форму, и на каждом углу была выстроена большая круглая башня, диаметром в шестьдесят шагов. Все они были одинаковы по величине и по форме.

Река Луара протекала с севера. У реки была расположена одна из башен, называемая Артис, а к востоку была другая, называемая Калаэ. Следующая башня называлась Анатолия, за нею – Мезембрина, пятая – Гесперия, и последняя – Криэр.

Пространство между каждой башней равнялось 312 шагам.

Здание было в шесть этажей, считая подземные погреба за первый. Второй этаж был сводчатый, в виде ручки от корзины. Прочие этажи были оштукатурены фландрским гипсом. Крыши были аспидные, на карнизах красовались фигуры людей и животных, великолепно сделанные и покрытые позолотой. С них спускались водосточные трубы, рас писанные по диагонали золотом и лазурью, доходившие до земли, где кончались большими желобами, ведущими под зданием в реку.

Описываемое здание было в сто раз великолепнее дворцов Бонивэ, Шамбор и Шантильи.¹³¹ Ибо в нем было 9 332 комнаты, и при каждой – уборная, кабинет, гардеробная, часовня; все комнаты выходили в большой зал. В каждой башне посреди жилого корпуса была винтовая лестница, ступени которой были частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мрамора-змеевика, длиною в двадцать два фута

¹³⁰ Длинношерстые бараны – золотая монета в 16 франков. Экю с солнцем – были выбиты при Людовике XI; что касается «экю с плеядами» – это шутка Раблэ.

¹³¹ Бонивэ – дворец, который во времена Раблэ начал строить себе адмирал Бонивэ; Шамбор (или Шамбур) – дворец, начатый постройкой королем в 1536 г. (после выпуска первого издания «Пантагрюэля»); в Шантильи помещался известнейший из королевских дворцов, тоже лишь с XVI столетия.

толщиною в три пальца, по двенадцати ступеней от площадки до площадки. На каждой площадке были две античные арки в ширину лестницы, через которые проникал свет и через которые входили в кабинет. Лестница поднималась до самой кровли и кончалась павильоном. По этим лестницам с каждой стороны был ход в зал и из зала в комнаты. Между башнями Артис и Криэр находились прекрасные книгохранилища, с книгами на греческом, латинском, еврейском, французском, тосканском и испанском языках, распределенные по этажам соответственно этим языкам.

Посередине поднималась чудесная лестница, ход на которую был снаружи здания, в виде арки в шесть туазов ширины. Эта лестница была таких размеров и вместимости, что шестеро вооруженных людей, с копьями у бедра, могли в ряд подняться на самый верх здания.

Между башнями Анатолией и Мезембриной помещались прекрасные галереи, расписанные изображениями подвигов древности, исторических событий и картами земли. В середине была такая же лестница и с таким же входом, как и со стороны реки. Над этим входом крупными античными буквами было написано следующее:

ГЛАВА LIV. Надпись на главных дверях Телемской обители

В подлиннике идет длинное стихотворение (100 строк), содержащее перечисление лиц (профессий), которым запрещен вход в обитель, и таких, которые наоборот, туда приглашаются.

В первую очередь из обители изгоняются лицемеры, ханжи, святоши, чванные болтуны, нищие, ябедники, кляузники, сутяги и так далее: нет места злобе и притворству там, где льется песня от полноты души.

Нет входа в обитель чиновникам, прислужникам власти, искателям дешевой популярности, стряпчим, писакам, судьям старого толка, так называемым хорошим прихожанам и прочего вида фарисеям: привычка к таким занятиям не должна отравлять живущих в Телеме.

Равно запрещен вход хапугам, блюдолизам, низкопоклонникам, трусам и подлецам: поношению человеческого образа. Права на вход не имеют: глупцы, нытики, завистники, смутьяны, всякие гадины, развратники и развратители, шелудивые венерики... В обители все здоровы телом, и оттого счастливы...

Наоборот, добро пожаловать, благородное рыцарство великих и малых орденов, все веселые, учтивые, умеющие шутить, ясные душой люди, хорошие товарищи...

Приглашаются входить все, кто толкует евангелие не по мертвой букве: в обители они найдут крепкое убежище против своих врагов, отравителей народа...

Входите в обитель также и высокие происхождением и красотой женщины, прямые станом, целомудренные... За подвиги ждет и мужчин и женщин высокая награда в этом святом месте.

ГЛАВА LV. Жилище телемитов

Посреди двора был великолепный фонтан из прекрасного алебастра, с тремя Грациями наверху, держащими рог изобилия; из их груди, из рта, ушей, глаз и других отверстий тела лилась вода.

Внутреннее помещение на указанном дворе поддерживалось толстыми колоннами из халцедона и порфира, с прекрасными античными арками. Внутри под арками были прекрасные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, оленьими рогами, а также рогами единорогов, носорогов, клыками гиппопотамов и слонов и другими замечательными вещами.

Дамы занимали помещение между башнями Артис и Мезембриной, мужчины – остальное.

Перед помещением дам, для их развлечения, между двумя первыми башнями находились: стадион, ипподром, театр, бассейны для плавания и великолепные трехъярусные бани, прекрасно снабженные всем нужным, в том числе и благовонной смолистой водой. У реки был красивый парк для прогулок, с прекрасным лабиринтом середине. Между двумя другими башнями находились манежи для игры в мяч и другие. Со стороны башни Криэр был фруктовый сад, полный всяких плодовых деревьев, посаженных косыми рядами. В конце был большой парк, кишавший всевозможными зверями.

Между третьими башнями помещался тир, где стреляли из лука, пищали и арбалета. За башней Гесперией шли службы, в один этаж за службами – конюшни. Около конюшен – соколиная служба, которой заведовали сокольничьи, очень опытные в своем деле. Охота ежегодно пополнялась из Кандии, Венеции, из Сарматии лучшими образцами всякой птицы: орлами, ястребами, коршунами, кречетами, соколами, стер, вятниками, воронами, сапсанами и другими.

Птицы были так приручены и обучены, что, вылетая из замка порезвиться в поле, они ловили все, что им попадалось навстречу. Псарня была немного дальше к парку.

Все залы, комнаты и кабинеты были убраны коврами, различными в зависимости от времени года. Полы были покрыты зеленым сукном постели – в кружевах. В каждой уборной было хрустальное зеркало в раме из чистого золота, отделанной жемчугом. Зеркало было такой величины, что отражало человека во весь рост.

При выходе из зал, на дамской половине расположены были помещения парфюмеров и цирюльников, через чьи руки обязательно проходили мужчины, посещавшие дам. Парфюмеры доставляли каждое утро в дамские комнаты розовую, миртовую и апельсиновую воду и в каждую комнату вносили драгоценную курильницу, дымящуюся всевозможными ароматическими снадобьями.

ГЛАВА LVI. Как были одеты монахи и монахини Телемской обители

Дамы в начале существования монастыря одевались по своему выбору и желанию. А затем по собственной доброй воле ввели реформы, о чем ниже следует. Они носили алые или красные чулки, которые заходили на три пальца выше колена – кайма была из вышивки или прошивками. Подвязки были цвета рукавчиков и охватывали колено сверху и снизу. Башмаки, бальные ботинки и туфли – яркого лилового или красного бархата. Сверх рубашки надевали корсет из шелкового камлота, поверх которого надевали кринолин из белой, красной, серой или каштанового цвета тафты, сверху – юбку из серебряной, с золотыми прошивками тафты в рубчиках, или, по желанию и в соответствии с погодой, из атласа, из шелка, дама, или оранжевого, коричневого, зеленого, пепельного, синего, желтого, светло-желтого, красного, кирпичного, белого бархата, из парчи золотой и серебряной, с канителью и вышивкой, ответственно праздникам. Далее, смотря по сезону, плащи из того материала или сукна и т. д.

Летом иногда вместо плащей – короткие мантильи из вышеназванного материала или мавританские курточки лилового бархата с золотым шитьем, серебристым бисером, или же, наконец, с золотыми витыми шнурами, по швам украшенные индийскими жемчужинами.

На шляпе всегда красовался султан из перьев, под цвет рукавчиков, с золотыми блестками. Зимой верхние одежды украшались драгоценными мехами, как-то рысью, черным енотом, калабрийской куницей, соболем и т. д.

Ожерелья, четки, запястья блистали драгоценными камнями: карбункулами, рубинами, сапфирами, адамантами, александритами, смарагдами, опалами, гранатами, агатами, бериллами, жемчугами.

Головной убор соответствовал погоде. Зимой носили французские, весной испанские, летом тосканские шляпы. Кроме воскресений и праздников, когда все строго следовало французской моде, ибо она солиднее других и целомудреннее.

Мужчины одевались на свой образец: штаны суконные или шерстяные,

темно-красного, розового, белого или черного цвета; верхняя часть – из бархата такого же цвета, или подходящего оттенка, вышитая и опушенная по свободной фантазии. Камзол – золотой или серебряной парчи, или бархатный, атласный, тех же цветов, расшитый по тому же образцу; на нем шелковые шнуры тех же цветов и золотые пряжки с эмалью. Кафтаны парчовые или суконные, или же бархатные. Плащи столь же изящные, как и у дам. Шелковые пояса под цвет камзолов; чудесные шпаги с позолоченной рукоятью и в бархатных ножнах под цвет панталон; наконечник ножен – золотой ювелирной работы; такие же кинжалы.

Шапочки – черного бархата, с кольцами и золотыми пуговицами. Сверху – тщательно пригнанное к шляпе белое перо, в золотых блестках и со свисающими сверху рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями.

Мужчины и дамы так симпатизировали друг другу, что те и другие ежедневно одевались одинаково. Чтобы не ошибиться насчет одевания, несколько молодых людей были приставлены специально для того, чтобы каждое утро осведомляться, как именно одеты будут сегодня дамы. Ибо все делалось согласно воле дам. Не думайте, что они тратили сколько-нибудь лишнего времени на то, чтобы богато и изящно наряжаться, – нет, особые гардеробщики держали наготове любой костюм каждое утро; горничные же были обучены в одно мгновение одевать дам с ног до головы.

А чтобы они имели все эти наряды своевременно, около Телемского леса тянулось на добрые полмили здание, чистое и светлое, в котором проживали все ювелиры, гранильщики, швецы, золотошвеи, портные ткачи обоев и ковров, бархатники. Каждый занимался своим ремеслом, все для монахов и монахинь.

Некий сеньор Наузиклэт посылал им ежегодно по семи кораблей, нагруженных золотом, шелком-сырцом, жемчугом и драгоценными камнями с принадлежавших ему островов Жемчужных и Каннибальских.

Если жемчужины старели и начинали менять свою чистую белизну, искусники-мастера кормили ими петухов и тем восстанавливали их Первоначальный цвет.

ГЛАВА LVII. Какой порядок был установлен в жизни телемитов

Вся их жизнь распределялась не законами, статутами и правилами, но доброю и свободною волей. С постели вставали, когда заблагорассудится; пили, ели, работали, спали, когда приходила охота. Никто их не будил, никто не принуждал ни пить, ни есть, ни делать что другое. Так постановил Гаргантюа.

В их регламенте значилась лишь одна статья:
«ДЕЛАЙ, ЧТО ЗАХОЧЕШЬ»!

Ибо люди, свободные, благородные, образованные, вращаясь в порядочном обществе, уже от природы обладают инстинктом и побуждением, которые их толкают на поступки добродетельные и отвлекают от порока: этот инстинкт называют честью. Но те же люди, когда они подавлены и поработаны низкоподчинением и принуждением, отворачиваются от благородной склонности в силу которой они свободно стремились к добродетели, – для того чтобы скинуть с себя и сокрушить иго рабства; ибо мы всегда стремимся к тому, что запрещено, и жаждем того, в чем нам отказывают.

Благодаря этой свободе установилось похвальное соревнование делать всем то, чего хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь – мужчина или дама – говорил: выпьем! – все выпивали. Если говорил: сыграем! – все играли. Скажет кто-нибудь: пойдем, порезвимся в поле! – все соглашались идти. Шло ли дело об охоте, – дамы садились на прекрасных иноходцев и сажали сокола, кречета, ястреба или другого хищника на руку, обтянутую перчаткой. Мужчины держали других птиц.

И все они были так благородно образованы, что не было между ними таких, кто не умел бы читать, писать, петь, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти-шести

языках, и на каждом языке писать как стихами, так и обыкновенной речью.

Никогда не видали таких храбрых, таких сильных, таких ловких в ходьбе и верховой езде кавалеров. Никто лучше их не владел оружием; не было людей бодрее и веселее, чем они.

Не видывали никогда и таких пригожих, таких милых дам, менее скучных, более искусных рукодельниц, как в шитье, так и во всякой честной и свободной женской работе, какие были там.

И потому-то, когда приходило время, что кто-нибудь должен был выйти из обители или по желанию родителей, или по какой другой причине, то он увозил с собою одну из дам, – ту, которая избрала его своим поклонником; и они вступали в брак. И если в Телеме они жили в преданности и дружбе, то продолжали еще лучшую жизнь в браке и до конца своих дней любили друг друга так же, как в день свадьбы.

Я хочу не забыть описать вам загадку, которая была найдена на фундаменте обители, на большой бронзовой доске. В ней говорится следующее:

ГЛАВА LVIII. Пророческая загадка

В длинных и темных стихах, заимствованных, за исключением двух первых и пятнадцати последних стихов, из сочинения Мелэна де-Сен-Желэ, предсказывается наступление смутных времен, когда сын восстанет на отца, и спасутся только те, кто до конца останется верным своим убеждениям.

В этих стихах видят намек на преследование реформатов. Вообще же оригинальность их только в форме, на чужой язык трудно передаваемой.

Мы оставляем без перевода и остроумное толкование этого пророчества, сделанное в самом конце этой заключительной в книге главы братом Жаном, который находит в этих апокалиптических строках вовсе не предсказание, но «В темных выражениях описанную игру в мяч».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ И ГАРГАНТЮА